

Стенограмма
Круглого стола «Реабилитация детей, пострадавших от жестокого обращения: ситуация, опыт, проблемы»

15 апреля 2011 года

О.М.Здравомыслова, Горбачев-Фонд. Хочу напомнить, что сегодня - третья встреча проекта [«Детство под защитой»](#), который Горбачев-Фонд и Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения - начали в 2010 году. Думаю, что нынешняя тема, может быть, наиболее соответствует общему названию проекта. Потому что речь идет именно о детях, которые пострадали от насилия, и о реабилитации детей – жертв насилия.

Инициаторами этого Круглого стола выступили наши коллеги из Санкт-Петербурга – общественная организация [«Стеллит»](#). Это показалось нам очень важным. Поэтому мы делаем центром обсуждения именно практику этой санкт-петербургской общественной организации, которая всем, кто занимается темой реабилитации детей – жертв насилия, - хорошо известна.

Напомню также, что [Клуб Раисы Максимовны](#), который был создан Раисой Горбачевой в 1997 году, очень настойчиво и последовательно занимался темой защиты детства еще при жизни Раисы Максимовны. И с тех пор все темы, связанные с социальной политикой и с положением российских детей, исследуются и обсуждаются в Горбачев-Фонде в рамках постоянно действующего проекта – «Клуб Раисы Максимовны».

А.М.Спивак, Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Проект «Детство под защитой» нацелен на то, чтобы создать возможность обсуждений, переговорную площадку по самым разным актуальным вопросам в сфере защиты детства. Замысел проекта исходил из того, что у нас по-прежнему недостаточно возможностей на адекватном профессиональном уровне обсуждать темы детства, с одной стороны - внутри

экспертного сообщества, с другой стороны - между экспертным сообществом и принимающими решения лицами – местной или федеральной властью.

Происходит очень много действий, решений на этом поле.

Принимаются какие-то законодательные акты, какие-то решения в регионах, Москве. Вместе с тем каждый действует, очень часто исходя из каких-то своих представлений о том, как обстоит дело, что правильно, что неправильно. Поэтому очень много частных решений, частных действий, которые, может быть, не образуют целенаправленную активность.

Наш проект призван создать такую возможность: здесь на площадке Горбачев-Фонда регулярно проводить такие обсуждения по самым разным темам. У нас было обсуждение [региональных программ по защите детства](#). У нас прошло [обсуждение, посвященное российско-американскому сотрудничеству в этой сфере](#). Сегодня мы проводим обсуждение по конкретной теме реабилитации детей. Мы откликаемся идеи, предложения наших коллег о том, что важно обсуждать.

Для нас чрезвычайно важно получить содержательный итог этого обсуждения. Мы стремимся согласовать подходы и на основе этих подходов выработать, опубликовать некие рекомендации, к чему мы пришли и на каких точках зрения останавливаемся. Это очень важно. И это делает нашу работу встроенной в какой-то более общий процесс реализации политики в сфере защиты детей.

Я хотел бы еще зачитать приветствие, которое поступило в адрес участников нашего Круглого стола от Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации:

«Уважаемые организаторы и участники Круглого стола «Реабилитация детей, пострадавших от жестокого обращения: ситуация, опыт, проблемы»!

Приветствую организаторов и участников Круглого стола.

Вы собрались, чтобы рассмотреть одну из наиболее актуальных проблем в области защиты детства. В ходе Круглого стола предполагается

обсудить вопросы реабилитации детей, ставших жертвами жестокого обращения и насилия, опыта оказания реабилитационной помощи.

В настоящее время Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации в рамках реализации поручения Президента России Дмитрия Анатольевича Медведева ведет работу по анализу опыта работы служб по оказанию помощи детям и подросткам в случаях жестокого обращения и распространению наиболее эффективных форм работы во всех субъектах Российской Федерации.

Уверена, что выводы и рекомендации участников Круглого стола будут иметь большую практическую значимость для этой работы и внесут существенный вклад в реализацию государственной политики в интересах детей.

С уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество

**Директор Департамента организации
и социальной защиты населения
Министерства здравоохранения и социального
развития Российской Федерации**

Ольга Викторовна Самарина»

Е.В.Забадыкина, «Стеллит». В последние несколько лет так получилось, что я и мои коллеги ездят по стране и встречаются с людьми, проводят тренинги, Круглые столы, посвященные проблеме жестокого обращения с детьми. Вы знаете, что наш уклон – это коммерческая сексуальная эксплуатация детей, противодействие этому явлению и его профилактика.

Мы, кроме того, провели большую работу (я об этом расскажу в своем выступлении) по сбору всевозможных информации о том, кто, как, работает с детьми. Не только в нашей стране, но и во всем мире.

Мне кажется, эти встречи очень важны. Почему прежде всего? Мы можем обмениваться информацией. Потому что, с одной стороны, человек,

который не посвящен в то, что происходит, может сказать: нет, никто не работает с этой темой: родители оказываются беспомощными и всем все равно. А другие люди, которые погружены в эту тему, вам будут говорить: что вы, есть масса людей, которым не все равно, которые работают, есть разработанные методики, изданы книги, пособия. По большому счету и те, и другие будут правы. Потому что те разработанные методики, тот опыт, который есть, например, в нашей стране, к сожалению, остаются там, где и родились. Выйдет пособие, выйдут какие-то информационные материалы тиражом 100-200-500 экземпляров. Их прочтут специалисты. И они где-то остаются невостребованными дальше.

Проблема в том, что об этом очень мало знают. Мало знают те, кому нужны такие знания. Поэтому они часто вынуждены, условно говоря, изобретать велосипед.

Сегодня, я надеюсь, специалисты смогут обменяться теми знаниями и теми наработками, которые есть, представить их, и в конце, я надеюсь, мы сможем договориться о том, как мы можем сделать так, чтобы эти знания распространились как можно шире по нашей стране.

То внимание, которое сейчас наше государство уделяет этой тематике (а оно уделяет внимание этой тематике, что бы мы ни говорили), дает право надеяться на то, что знания будут распространены и что ситуация будет изменяться к лучшему.

Поэтому я приветствую всех и говорю: спасибо за то, что вы приехали.

М.О.Егорова. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Национальный Фонд проводит изучение лучших практик по предупреждению социального сиротства. Понятно, что тема жестокого обращения с ребенком – это ведущая тема, когда мы говорим о причинах социального сиротства. И в рамках этого изучения мы также изучили материалы, которые прислали субъекты Российской Федерации.

Мы структурировали материал по четырем блокам. Первый блок – это информирование. Второй блок – это профилактика. Третий – это сопровождение ребенка в следственных действиях. И четвертый блок – это реабилитация детей – жертв жестокого обращения, жертв насилия.

В первом блоке первый вопрос – это о чем надо информировать. Мы предположили, что информировать надо о последствиях жестокого обращения с ребенком. И тогда целевая группа – родители с низкой родительской культурой или те родители, которые хотят быть хорошими родителями, но привержены силовым стереотипам воспитания.

Второе, о чем нужно информировать, - это о признаках жестокого обращения с ребенком. Я имею в виду и физические следы, и изменения в поведении, эмоциональном состоянии ребенка, и умение видеть совокупность этих трех составляющих для того, чтобы понимать, что в этом случае следует думать, предполагать, что, может быть, было жестокое обращение с ребенком. И в таком случае целевая группа этого информирования – это специалисты.

Другая группа, которой нужно говорить о важности своевременного выявления, – это близкая окружению ребенка, то есть, в общем-то, население.

И последняя группа – это сами дети, которые испытывают жестокое обращение на себе и у которых есть некоторые возможности запросить помощь. В первую очередь я имею в виду это обращение к кому-то из их семьи, из их расширенной семьи, а также обращение на телефон доверия, что довольно сильно упрощено сейчас введением единого общероссийского номера детского телефона доверия – 8 800 200 01 22, который теперь действует на всей территории Российской Федерации, за исключением, уважаемые коллеги, города Москвы, города Санкт-Петербурга. Потому что именно наши субъекты не подписали это соглашение. Но будем надеяться,

что они присоединятся к оставшемуся 81 субъекту, которые такое соглашение подписали.

Тем не менее, если вы наберете в своем городе этот номер, то вам ответит не Питер, а вам ответит Ленинградская область, в Москве вам ответит Московская область. То есть даже из этих субъектов позвонить-то можно. Но часто телефон для вас будет просто недоступен, будет занято, вы не сможете пока что такой звонок осуществить.

Целевые группы. Как можно вести это информирование? Тут я уже могу обратиться к опыту субъектов и сказать, что информационная работа с населением – это наиболее распространенный тип услуги. Притом целенаправленной работы через СМИ, в которой бы объяснялось, каковы последствия жестокого обращения с ребенком, не ведется. В этом смысле СМИ сообщают нам только о страшных, каких-то ужасных случаях, но нет никакого правильного реагирования в СМИ на то, о чем они же сами и сообщают.

В региональных СМИ (не в центральных) мы встретили статьи, небольшие выступления специалистов в средствах массовой информации, что уже, конечно, ближе как раз к информированию, как оно должно быть.

В основном же информирование имеет вид различных разработок, памяток, буклетов, визитных карточек, информационных стендов, плакатов, мини-газет и т.д. Их качество зависит от того, кто их делает, как их делает, какая литература у него есть и была доступна, когда он готовил эти материалы. Поэтому по качеству они очень разнородные.

Мы встретили создание вебресурсов для детей, родителей, специалистов и в том числе интернет-консультирования. Опять же его качество осталось за рамками исследования. По материалам невозможно это определить.

Следующий вид – это проведение групповых акций, которые ориентированы на конкретную целевую группу, - разовые горячие линии. уличные мероприятия и т.д.

Затем есть такой тип информирования, как проведение опросов и конкурсов. Устраивают конкурсы рисунков, плакатов против насилия. Прислали без всяких комментариев, без всякой обработки – просто вывешивается в каком-то виде для обозрения.

И анкетируют на выявление потребности в информированности проблем жестокого обращения. Анкетируют, но дальше нельзя сказать, что данные анкетирования точно., затем направляют информирование, что выделяются целевые группы, выделяются темы в информировании. Такой работы как будто бы нет.

Также проводятся разовые отдельные мероприятия для родителей в школах, детских садах, социальных медицинских учреждениях, которые носят характер лекций, собеседований, бесед и собраний.

Беседа – это основной метод информирования, если речь идет об индивидуальной работе. Опять же качество этих бесед, - насколько точно целевая группа выбрана, – определить из присланных материалов не представляется возможным. Такое впечатление, что это просто один из пунктов каких-то программ, нацеленных на работу по профилактике в широком смысле.

Еще один вид информирования – это тренинги для детей и родителей, в ходе которых затрагивается тематика жестокого обращения. Как правило, такого рода мероприятия проводятся в ходе информирования на другие темы, например о вреде употребления психоактивных веществ, о здоровом образе жизни, о работе телефонов доверия и т.д.

В большинстве случаев информирование населения о проблемах жестокого обращения носит массовый и обезличенный характер, не учитывающий особенности аудитории и ее проблем. Готовится некий

материал, который затем предлагается той аудитории, которую здесь возможно собрать. Часто акцент делают на противозаконность жестокого обращения и наказание за него, а не на то, какие последствия жестокого обращения имеются для ребенка.

Фактически можно выделить лучшие практики в сфере информирования. Ими оказываются те, которые ориентированы на непосредственный контакт с целевой аудиторией, учитывают ее интересы и активное включение в процесс в безопасных и психологически комфортных условиях.

Примерами такой успешной практики может служить Астраханская область – отдельные учреждения, город Саратов – одно учреждение в этом участвует, Темрюкский СРЦ Краснодарского края. Их можно назвать как те, которые именно так проводят информирование.

Вторая тема – профилактика. Как она осуществляется? В первую очередь она понимается – совершенно справедливо - как раннее выявление случаев нарушения прав ребенка, в том числе случаев жестокого обращения с ребенком. В этом случае специалисты учреждений систем образования, здравоохранения и защиты населения оказываются тем первичным звеном, которые в состоянии заметить по признакам жестокого обращения с ребенком то, что в семье неблагополучная ситуация и что надо об этом начать думать. Они плюс еще первичное звено в системе социального обслуживания семьи, детей – собственно, они-то и составляют первичную сеть.

Здесь есть свои проблемы. Специалистов всех этих вышеназванных учреждений ни в каком вузе нашей страны не учат тому, как выглядит ребенок, подвергшийся насилию, какие признаки этого насилия можно заметить, как судить об этом, как поговорить с ребенком, если ты это заметил, как поговорить с его семьей. То есть специалисты просто не вооружены ничем. Это отдельные инициативы некоторых отдельных

специалистов, которые по своей инициативе, например, разрабатывают курсы. Тут можно назвать Игоря Николаевича Григовича из Петрозаводска, который сам, будучи детским хирургом и преподавателем местной медицинской академии, разработал такой курс, и в его вузе такой курс читается уже много лет. А чтобы это было системно в высшей школе – этого нигде нет.

То есть мы еще с советских времен притащили в 2011 год сознание того, что проблемы жестокого обращения у нас нет. И поэтому ни врачам, ни педагогам, ни воспитателям детских садов мы о ней не сообщаем.

Это проблема. В чем здесь стоит проблема.

Выявление может осуществляться еще за счет активной позиции населения, близкого окружения ребенка, соседей и т.д. А так же, как я уже говорила, через обращение самих детей. Статистика детских телефонов доверия такова. Телефон доверия Российской Федерации получает примерно 500 тысяч обращений в год, из них 36 тысяч – это обращения детей по поводу жестокого обращения и других нарушений их прав. То есть довольно приличное число таких обращений.

Если мы детей будем информировать о том, что есть такая возможность запросить помощь в такой ситуации, то дети будут это делать. Они будут сами делать попытки себя защитить, и ситуацию, в которой они оказались, изменить. Это надо учитывать.

Что включает в себя по присланным материалам профилактика жестокого обращения? Она включает технологию раннего выявления, организацию мер по защите прав ребенка и реабилитационную работу в разных видах, которую ведут после этого и с семьей, и с ребенком.

Ряд субъектов заявили о разработке и создании региональных, муниципальных моделей раннего выявления, реагирования на факты жестокого обращения в отношении детей, которые подтверждаются присланными нормативно-правовыми документами, регламентирующими

функциональные обязанности специалистов, ответственность субъектов такой работы, а также алгоритм, порядок межведомственного взаимодействия, который субъекты на муниципальном или региональном уровнях установили у себя.

Здесь надо выделить правительство Ярославской области, которое приняло постановление о порядке организации работы по профилактике раннего неблагополучия семьи с несовершеннолетними детьми в Ярославской области; Томскую область, которая во всех муниципальных образованиях внедрила систему организации комплексной профилактической помощи детям по технологии работы по случаям. Курская область приняла порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики по раннему выявлению и указанию помощи в трудной жизненной ситуации детям и семьям, которые нуждаются в социальной поддержке.

О Томской области – более подробно. Там не только один правовой акт. Там уже целый корпус правовых нормативных актов, которые регламентируют всю работу по раннему выявлению, в том числе, случаев жестокого обращения. Там разработана и утверждена форма отчета органов местного самоуправления. Дети, нуждающиеся в государственной защите... Это значит там налажен учет всей той работы, которая у них ведется, что очень важно. Они не забыли о том, чтобы смотреть динамику своей работы.

В Новосибирской области и в ряде других территорий пошли таким путем. Они организуют при главах муниципальных поселений территориальные советы. И эти советы или, как еще в некоторых местах их называют, межведомственные консилиумы рассматривают каждый случай жестокого обращения с ребенком для разработки индивидуальной программы и принятия мер.

По присланным материалам надо отметить Наро-Фоминский район Московской области. Там расположен СРЦ «Надежда», где приняты

нормативные документы по раннему выявлению, именно связанные с риском жестокого обращения. Эти документы достаточно хорошо разработаны.

В этой области практически все учреждения, начавшие работу, придерживаются традиционной схемы: информация о случае, индивидуальное или комиссионное посещение семьи, составление акта обследования условий жизни ребенка, составление индивидуального профилактического плана работы с семьей, потом проведение консилиума и оказание комплексной помощи с межведомственным взаимодействием при ее оказании.

При этом можно выделить следующие проблемы. Во-первых, реализация услуг по этой схеме происходит достаточно формально. С риска жестокого обращения фокус смещается на трудную жизненную ситуацию и социально опасное положение. То есть начали вроде бы работать с жестоким обращением, а на практике получается, что работают с трудной жизненной ситуацией, что, как вы понимаете, не одно и то же.

Основное внимание уделяется тяжелым, запущенным случаям, при которых у них нет инструментария, чтобы позитивно его решить. Фактически все кончается лишением родительских прав. Положение ребенка оценивается по субъективным критериям, то есть отсутствует диагностический инструментарий. Обследование представляет собой действие по сбору формальных данных и имеет мало общего с социально-психологической диагностикой проблем и семьи, и ребенка, то есть тех проблем, которые вызвали насилие, которые за ним стоят.

Реабилитационный план представляет собой набор общих формулировок по оказанию помощи. Комплексная помощь, как правило, понимается как широкий перечень социальных, психологических, педагогических, медицинских, юридических услуг, которые не носят адресный характер и рассчитаны главным образом на мотивированных родителей. Межведомственное взаимодействие учреждений, разных

ведомств или органов сводится к информированию друг друга и обычно не предусматривает согласованных действий для решения конкретных задач из реабилитационного плана.

Таким образом, можно сделать вывод: оценить реальное качество осуществления услуг из присланных описаний не представляется возможным. Я думаю, что произошла следующая вещь. Выучен новый словарь, все новые слова ставятся, но действия остаются старые, что говорит о том, что есть недостаток знаний по профилактике жестокого обращения, сиротства. Из-за того, что люди не знают, чем наполнить эти новые понятия, они наполняют их старым содержанием.

Я бы это расценила как позитивные вещи в том смысле, что специалисты на местах хотят эти программы делать, но не могут в силу того, что у них нет достаточно знаний. В отдельных организациях некоторых муниципальных образований нескольких районов, некоторых регионов (это Алтайский край, Тамбовская, Новосибирская, Волгоградская, Тверская, Московская, Томская области) работу конструируют на принципах введения случая с использованием механизмов принятия решения на основе оценки риска. Это уже появился диагностический инструментарий. А реабилитационный план разрабатывается, исходя из диагностики проблем семьи, и реализуется все-таки в сотрудничестве с командой специалистов. У них новое содержание соответствует новому словарю. И у них как раз лучше в этих субъектах. Но опять же это отдельные учреждения. Мы не можем говорить, что везде выстроены системы.

Во всех названных мною субъектах, в отдельных учреждениях внедрение этих элементов работы со случаем началось в 10-м году благодаря тому, что они получили финансовую поддержку своих программ в Фонде поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а их специалисты прошли обучение по нашим программам – Национального Фонда, Исключая Алтайский край, в котором эта работа началась с 8-го года.

Алтайский край – это кризисный центр для мужчин. Он будет несколько раз сегодня звучать, потому что он оплот всей работы – не только для мужчин, но и для детей, и женщин по жестокому обращению. Это Центр социального обслуживания Искитимского района Новосибирской области, Центры (их пять) в Тамбовской области (пожалуй, случай, когда система уже заработала), Тверской областной Центр социальной помощи семье и детям, Наро-Фоминский (я уже называла) Центр «Надежда», Светлоярский Центр в Волгоградской области, Архангельский Центр защиты прав несовершеннолетних, СРЦ города Заречного Пензенской области. Вот такой список.

Поэтому нельзя сказать, что это общероссийское исследование. Это исследование по материалам. Органы исполнительной власти считают важной эту работу, этими материалами они за нее отчитываются. На вопрос: какая работа у вас ведется по профилактике жестокого обращения, субъекты отвечают таким образом. В этом ценность этого: мы видим, что они замечают, а что нет, что они ценят, что нет. Дальше мы можем сказать, как мы видим эту ситуацию. Например, спросив некоммерческие организации, различные Фонды, и затем мы можем построить, что из этого вообще доведено до сведения исполнительной власти и учитывается ими как важная часть работы, а что проходит абсолютно мимо них.

Вопрос. Может быть, специально замалчивается?

М.О.Егорова. Посудить пока не представляется возможным. Если мы говорим о технологии организации мер по защите прав ребенка, то реабилитационная работа с семьей в целях сохранения кровной семьи для ребенка в случае, если выявлено жестокое обращение, будет состоять из услуг для ребенка, для семьи и для обидчиков ребенка.

Поэтому можно посмотреть на слуги для родителей. Это обучение управлению поведением. Это группы работы с гневом. Это повышение родительской компетентности, расширение репертуара воспитательных

приемов в случаях, когда родители привержены силовым стереотипам воспитания, помощь в освоении навыков ухода за ребенком тем родителям, которые плохо с ребенком обращаются в силу незнания, терапевтические группы и группы поддержки для родителей.

Средовые формы помощи. Различные клубы для семей, в которых тоже идет работа по профилактике. И медико-психологические услуги для родителей.

Практически все учреждения, о которых были присланы сведения, и в соцзащите и образовании предлагают услуги отдельным, особенно уязвимым целевым группам. Таким как опекунские семьи, несовершеннолетние беременные, молодые родители, дети с нарушением поведения и их родители, дети с особыми потребностями и их родители, а также выпускники детских домов. Они считают эти группы имеющими повышенный риск жестокого обращения и работают с ними.

Обращает на себя внимание, что учреждения, говоря о профилактике, в основном готовы оказывать разного рода информационную, психологическую, педагогическую, социальную помощь при условии, что их клиенты – дети, родители – сами будут регулярно за ней обращаться. А во многих случаях это является неадекватным ожиданием в связи с проблемой и особенностью целевых групп.

Эффективными услугами можно назвать те, которые подразумевают активное вовлечение целевой группы в их получение. Тут можно назвать Смоленскую область, Гагаринский социальный приют, он называется «Яуза»; Фроловский Центр социальной помощи в Волгоградской области; СРЦ, о котором я уже говорила, из города Саратова; КЦСОН «Пенаты» Омской области; Центр «Фламинго» из Кемерово; Центр социальной помощи из Кировской области. Пожалуй, это все, что можно назвать.

Отдельно в этом разделе можно выделить практики активной поддержки и обучения родителей как превентивные меры по развитию

позитивных семейных ценностей и ответственного родительства. Обучение родительским навыкам предполагает ряд мер по улучшению этими семьями своих навыков и обеспечению при этом еще и поддержки семьи. Общая цель – это повышение родительской компетентности и обучение родителей конструктивным формам взаимодействия с детьми, что приводит к налаживанию родительско-детских отношений.

Хороший пример. В Москве на базе медицинских учреждений осуществляется социально-психологическое индивидуально-групповое консультирование женщин, которые сомневаются в принятии рожденного ребенка из медицинского учреждения. Вот успешный опыт.

В Тюменской области функционирует областной Клуб, который объединяет 178 Клубов молодой семьи в городах и районах области. Это системно по горизонтали. В 178 Клубах идет такая превентивная работа. В основном она, конечно, носит информационный характер, но не только – там есть формы консультаций.

Известный Центр «Зазеркалье» города Сургута. Тоже проводит серьезную работу по подготовке к родительству - обучение родителей быть хорошими родителями.

Новосибирская область реализует проект по содействию социальной адаптации женщин с детьми, которые не могут сами обратиться за помощью в учреждение. В основном это мамы с грудными детьми. И фактически проект осуществляется с выходом к ним, что является редким случаем.

Опять же краевой кризисный Центр для мужчин Алтайского края, у которого есть разные формы работы для родителей, игровые комнаты для пап с детьми – притом несколько разных. Это обучение отцов вовлечению в совместную деятельность с ребенком.

Город Мценск Орловской области. Там есть консультационный пункт для молодых родителей при детской поликлинике. Много

несовершеннолетних родителей там занимаются. Поликлиника мягко направляет всех в этот Клуб.

Теперь следующая группа услуг – это услуги для детей из этих семей. Здесь можно выделить групповое сопровождение в образовательном и социальном пространстве. Это социальная гостиная и реабилитационный досуг – две услуги распространены. Тьюторство как индивидуальное сопровождение. Терапевтические группы для детей-подростков по отработке либо коммуникативных навыков, либо поведенческих навыков. Такие можно здесь выделить услуги.

Что есть по этой части? Значительная часть такой работы имеет косвенное отношение к причинам и последствиям жестокого обращения с детьми. Я имею в виду на местах. Она направлена в основном на профилактику у детей злоупотребления психоактивными веществами и на привитие социальных норм, то есть на воспитательные задачи. И можно сказать, что ориентирована на возможные последствия больше, чем на причины жестокого обращения. Возможно, авторы этих программ неявно исходят из представления, что особенности детей и их поведение являются причиной плохого обращения с ними, и нужно менять и адаптировать именно детей, а не заниматься проблемой родителей.

Здесь можно назвать как активно работающие СРЦ «Исток» Смоленской области, Центр социальной помощи Великого Новгорода, СРЦ «Улитка» Астраханской области. Нужно отметить, что когда субъекты описывают программы или услуги в этой части, они не описывают способы, механизмы и реальную практику привлечения родителей групп риска и семей в целом к сотрудничеству и получению услуг. И поэтому возникает вопрос: как удастся привлечь к этой работе и детей, и родителей? Ответы на вопрос материалы не предоставляют. Отсюда невозможно и посудить: эта ли целевая группа, та ли самая целевая группа, которая как раз нарушает эти

права ребенка, привлечена, и насколько эффективно ведущаяся работа. Это остается за рамками материалов.

Надо отметить, что в ряде субъектов, а именно в Оренбургской, Ульяновской и других областях, введена должность специалиста службы социального патроната по работе с кризисной семьей. Его называют тьютором. В учреждениях Томской области введена должность – специалист – куратор случая, который целенаправленно занимается ранним выявлением семейного неблагополучия и организацией помощи кризисным семьям.

Важными аспектами являются вовлечение самих детей в информационные кампании о правах детей и проведение различных конкурсов, плакатов, рекламы для детей, молодежи. Также детей вовлекают в тренинги ненасильственного поведения, в разработку игр ненасильственной тематики, которые обучают детей младшего возраста тому, как защищать себя и как обращаться за помощью.

Школьные программы по предупреждению жестокого обращения являются одной из наиболее широко применяемых превентивных стратегий. И они включены во многие программы и проекты, описанные субъектами. Можно отметить Службу примирения, описанную в городе Мценске Орловской области, и Службу школьных инспекторов в работе с семьями в Республике Бурятия.

Есть еще такой факт, как вовлечение в волонтерскую деятельность подростков и студентов, что тоже способствует, на наш взгляд, профилактике.

Теперь давайте перейдем к третьему блоку – блоку сопровождения ребенка в период следственных действий. Здесь можно выделить направления такие, как диагностика состояния ребенка, кризисная интервенция, защита прав ребенка в период следствия в суде, психологическое сопровождение и психологическая помощь в

отреагировании травматических услуг. Надо заметить, что этих услуг в наименьших количествах записано.

Впечатление такое, что по этой теме на всей территории страны работают всего только несколько учреждений. И когда о них пишется, то сообщается, что в год у них на сопровождении 1- 4 ребенка и все. Содержания услуги никто не раскрывает. Назову те учреждения, которые выявлены. Это «Катасон» Пугачевского района Саратовской области, «Сердце солнышка» в Волгоградской области. И при этом у них это не специализированная услуга, а это присутствие специалиста, социального педагога или психолога-педагога в ходе следственных действий с ребенком. Или отмечается, что вся услуга сводится к тому, что специалист отвозит ребенка в учреждение и все.

Затем более профессионально работают по сопровождению в проведении следственных и иных мероприятий в центре: «Участие», город Москва, «Озон», города Москва и в Кемеровской области создана служба психологов, которая участвует в уголовном судопроизводстве, и 90 процентов дел, поступающих в суды в отношении несовершеннолетних, имеют заключение психологов. То есть в Кемеровской области это тоже уже выходит на уровень системы. Больше тут сказать, к сожалению, нечего.

И четвертый блок – это реабилитация детей жертв насилия. Здесь можно различить работу с ребенком: прежде всего? это диагностика степени травматизации, диагностика ресурсов для реабилитации ребенка, то есть надо искать ресурс и у ребенка, и у семьи, и у социального окружения. Далее – это планирование мер по реабилитации ребенка, кризисное консультирование, психиатрическая помощь, помощь специального педагога по возврату ребенка в образовательное и социальное пространство, групповая психологическая работа, индивидуальная – различные виды индивидуальной терапии и профессиональное сопровождение специалистов, работающих по реабилитации детей жертв насилия, то есть суппервизия.

. Прежде всего, это убежище для матери и ребенка, стационарное отделение для ребенка в приютах, СРЦ отмечено, психологическое консультирование, обучение защитному поведению в семье, преодоление созависимого поведения, семейное консультирование, то есть помощь в проживании в травматической ситуации и социальная помощь.

И последний блок – это работа с насильником, с обидчиком ребенка. Поскольку он очень часто возвращается в семью, (отсидев даже свой срок, он туда возвращается), а если дело не получает хода как уголовное, то может быть совместное проживание или общение ребенка с насильником, поэтому эта работа очень важна. Здесь можно отметить информирование о последствиях жестокого обращения, об обучении совладению с агрессией и психологическом консультировании.

Больше всего написано в этой части субъектами о работе социальных приютов и СРЦ – социально-реабилитационных центров. Много упоминаний об реабилитационных услугах, которые не отделены от информационной и профилактической деятельности. Например, предоставление временного проживания, оказание ребенку комплексной психологической, юридической, социальной и иных видов помощи, работа с родителями детей. Вот такая форма. Ничего не различить, не растащить.

Задача и специфика реабилитационных мероприятий с детьми или с семьями здесь не раскрываются. На мой взгляд, это говорит о том, что она, в общем-то, и не ведется так, как должны ее вести. Ибо если это было бы так, было бы о чем сказать: тут не пройдешь мимо.

Реабилитационная работа с пострадавшим ребенком заявляется как отдельная услуга всего в нескольких материалах, описывается в таком случае учреждением более подробно, как я в общем-то и говорю, что иначе и быть не может. Но тут выясняется, что хотя она заявлена как реабилитационная работа с пострадавшим ребенком, но задача и методы этой работы не соответствуют проблематике жестокого обращения. Например,

реабилитация осуществляется в ходе программ: «Живая экология», «Закон и порядок», «Дело мастера боится», «Я твой друг», «Профориентация подростков», «Правила золотого этикета». Это дается как реабилитационная программа работы с детьми.

Еще есть группа материалов, где большое и серьезное внимание уделено очень формальной психологической диагностике достаточно очевидных проблем – тревожная самооценка, агрессивность, личностные и интеллектуальные особенности.

Следующая группа: индивидуальные групповые занятия, тренинги досугового мероприятия - во многом направлены, как пишут авторы, на исправление нарушений в поведении, на некую абстрактную коррекцию самооценки, на развитие коммуникативных навыков, формирование и развитие ненасильственных моделей поведения. И ничего не раскрывается: невозможно посудить, насколько это направлено, действительно, на реабилитацию жертв насилия или реабилитацию семьи, насколько это связано с темой жестокого обращения.

Направленность многих программ реабилитации такова, что они не фокусируются на отдельных проблемах детей и истории их возникновения, не принимают в расчет индивидуальный и травматический опыт и условия жизни ребенка в семье, что, на наш взгляд, делает реабилитационную работу неэффективной.

Значительно более на проблемах и последствиях жестокого обращения сфокусирована работа учреждений, созданных под отдельные целевые группы. Я имею в виду службы для женщин, центры для несовершеннолетних девочек или те учреждения, которые специализируются на проблемах насилия. И вот для них характерна ориентация на работу с психологическими последствиями отдельных видов насилия. Но в силу своей специализации у них, как правило, не оказывается ресурсов и достаточных связей с другими учреждениями других ведомств для проведения регулярной

работы с родителями и родственниками ребенка для изменения условий. То есть поработали с несовершеннолетней девочкой, пострадавшей от сексуального насилия, но не поработали с ее семьей, потом она возвращается туда же. То есть у них оказалось вот такое ограничение.

В качестве лучших можно назвать:

- Центр «Отрадное» города Москвы. Там есть программы, которые включают сначала индивидуальную, а потом групповую психотерапевтическую работу с детьми, пережившими жестокое обращение, и в работу вовлекаются родители этих детей;

- Центр социальной помощи семьям и детям города Саратова. Там есть программа психологической реабилитации детей «Я в безопасности»; это 14 занятий по полтора часа, нацеленных на отработку травматического опыта и его последствий;

- затем социальный приют «Ребенок в опасности» Санкт-Петербурга, о котором, я думаю, здесь все присутствующие хорошо знают;

- Гулькевичевский центр Краснодарского края по социальной помощи семье и детям. Там есть программа работы с ребенком, пострадавшим от жестокого обращения, он называется «Свеча». Там индивидуальный терапевтический формат взят;

- РСЦ «Парус» в Новосибирской области, который я уже называла. Там есть программа – психологическая коррекция поведенческих и эмоциональных нарушений у детей, подвергшихся жестокому обращению, и реализуется она с 2009 года;

- «Улитка» Астраханской области, я ее уже называла. Там есть реабилитационная программа для ребенка, пострадавшего от жестокого обращения;

- «Маленькая страна» в Саратовской области тоже такая же программа;

- «Кризисный центр» помощи женщинам и детям в Липецкой области, с 2011 года началась программа психологического сопровождения детей, пострадавших от жестокого обращения;

- и, наконец, Территориальный центр социальной помощи города Вологды Вологодской области. С 2008 года у них реализуется услуга «Социальная гостиница». Это временное проживание и оказание различной консультативной помощи женщинам и женщинам с детьми, которые подвергались какому-то виду насилия.

Хотелось бы отметить, что сексуальное насилие в наименьшей мере представлено во всех видах программ и услуг. Фактически можно назвать Ивановское областное государственное учреждение «Центр психолого-педагогической помощи семье и детям», который сообщил о том, что с 2008 года оказывает реабилитационные услуги именно в области сексуального насилия. У них программа называется: «Социально-психологическая помощь жертвам преступлений сексуального характера и их близким родственникам». Но! Но количество клиентов четыре в год, а описание работы отсутствует. Нельзя попасть внутрь и понять, какого она качества.

Реплика Насколько мы знаем, очень редко бывает, чтобы в течение года проводилась работа с доказанным сексуальным насилием.

М.О.Егорова. Вы сказали такое важное слово: «С доказанным сексуальным насилием». Для того, чтобы реабилитировать ребенка, не нужно доказывать социальное насилие. Это нужно для того, чтобы дать ход наказанию. А для реабилитации этого ребенка не нужно доказывать: видно, что он пострадал и с этими последствиями идет работа. В этом случае я думаю, что детей будет больше, чем четыре.

А.С.Тысячнюк. Я педагог-психолог ГУ СРЦ, воспитательный дом.

По поводу вопроса о том, как бы регистрируется малое количество случаев помощи детям, пострадавшим от сексуального насилия. Я хочу сказать, что их в общем объеме достаточно мало. Просто с такой проблемой

мы сталкивались. У нас студенты хотят проводить исследования по этой теме, но очень мало материала для них. Хотя у нас 70 мест в стационаре, но практически один человек в три месяца появляется с сексуальным насилием. Их мало.

М.О.Егорова. Я бы это связала с плохим выявлением, а не с тем, что этого насилия мало. Мне кажется, что этого насилия очень много. Этого вида насилий очень много, но не умеют его выявлять специалисты, и когда ребенок говорит об этом, ему никто в семье не верит по понятным причинам: иначе семья развалится. Поэтому мы плохо выявляем этот вид насилия. И мы не можем пока посудить, много его или мало. Конечно, физического будет больше, но это не значит, что у нас мало случаев.

Я просто предположила, что это все-таки проблема выявления, а не проблема работы. Есть некоторые признаки, которые указывают на то, что случаев очень много. Во всяком случае вот я на своем опыте убеждаюсь, что, часто бывая в приютах и социально-реабилитационных центрах, в стационарных отделениях, сама вижу детей с признаками именно сексуального насилия, а воспитатели говорят: но он такой ласковый мальчик. Такой ласковый мальчик! – вот так. То есть они сами не различают их.

Е.В.Забадькина. У меня вопрос. У вас на сайте есть вот эти материалы? Дело в том, что я не успевала все записывать.

М.О.Егорова. Вы выдели, что я все время читала из исследований. Мы только вчера обработали эти материалы. Это еще черновик отчета. Надо его причесать, и тогда, если будет возможность, мы это вывесим. Вообще вот эта большая работа по изучению лучших практик профилактики социального сиротства, которые включают, конечно, и эту тему, - она будет представлена обязательно на нашем сайте, поскольку мы ее практически завершили. Сейчас мы отредактируем все материалы, и большой список лучших практик с указанием мест будет висеть.

Также мы к июню рассчитываем сделать интерактивную карту Российской Федерации, где будут указаны регионы. Можно будет посмотреть, какие из лучших практик найдены экспертами в том или ином регионе. С другой стороны, можно будет выбрать практику и посмотреть, где и в каких субъектах она в реальности существует. Вот эту большую работу мы надеемся завершить к лету.

Е.В.Забадькина. Совершенно потрясающе. Скажите, а добавлять можно будет?

М.О.Егорова. Первое, что мы поняли, когда стали делать эту работу – выделение лучших практик, мы поняли, что лучшие практики это 2011-го года и что эта карта вечно должна обновляться, и вот этот список, поэтому мы там будем обязательно приглашать всех к сотрудничеству с просьбой присылать свои материалы. У нас работает большая группа экспертов, которые по определенной схеме исследования эти материалы изучают, поэтому будем очень рады пополнить эту коллекцию.

Е.В.Забадькина. Я вам сейчас, например, смогу рассказать много о лучших практиках в этом направлении, и тогда какая-то форма будет, по которой можно все заполнять, чтобы это никуда не пропало. Сама идея очень хорошая.

М.О.Егорова. Вот форма этого исследования висит на сайте Минздравсоцразвития.

. Эту форму можно самостоятельно заполнять и направлять в адрес Фонда. Можно в Минздрав направлять, но прямее – направить нам. Вы просто направляйте, мы будем об этом знать.

О.М.Здравомыслова. Марина, вы говорили о многом, но вот так на слух очень трудно все это воспринять. Это, естественно, хотя видно, что была очень большая информация.

А вот какое у вас сложилось впечатление? Во-первых, с какого времени в принципе началась эта работа и есть ли какой-то ощутимый прогресс?

М.О.Егорова. Давайте сначала я отвечу по материалам, а потом вообще, поскольку, например, многие материалы, например, как у Елены Владимировне, которые мы знаем, но они никак не попадают в это поле зрения. По материалам работа свежая, если не брать информирование, которое идет как-то давно, но идет не в очень эффективных формах - бесед, лекций, выступлений на родительских собраниях, то вообще работу надо датировать восьмым-десятым годом. Притом большая часть – это десятого года.

О.М.Здравомыслова. Это было совсем недавно.

М.О.Егорова. Да. Это связано с тем, что была объявлена общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению. Эта кампания шла с правительственного уровня, ответственным за нее был Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. И этот фонд профинансировал в 2010 году ряд программ субъектов по противодействию жестокому обращению.

Также в рамках этой же кампании фондом была создана сеть служб детского телефона доверия под единым общероссийским номером. То есть 81 субъект теперь подключен к единому российскому номеру. Эта работа закончилась в 2011 году. Официально кампания закончена. Но многие субъекты продолжили эту работу, тем более, что наш президент эту тему постоянно поднимает. И субъекты понимают, что эта тема находится в центре социальной политики. Поэтому они продолжили свои субъектовые программы на 2011-ый и далее годы. И вот в рамках этих программ у них что-то появилось.

А отдельные островки работы были, примерно, с 2008 года. И субъекты плохо видят те центры и те учреждения, которые работают гораздо раньше и гораздо более сосредоточенно по этой теме. То есть эта их работа не воспринималась как работа с жестоким обращением и не попадает в эти святцы. Например, ребенок в опасности. Он не считается в городе Санкт-

Петербурге вот таким учреждением, хотя он уже 18 лет, по-моему, работает. То есть его в материалах практически нет. Это значит, что Управление социальной защиты это не видит. Это как важное звено, но оно рассматривает, как что-то другое. А что? Туда помещаются дети. Вот транзит и ребенок в опасности видится как одно и то же, только тут дети города, а тут дети не города. Они не понимают, с чем имеют дело. Видимо, их не посещают. А для них ничего неизвестно - ни о Фонде «Новые шаги», ни о «Стеллите», ничего этого никто не знает. Нет этого на карте, в глазах, в зеркале органов исполнительной власти. Для нас, экспертов, это указывает направление дальнейшей работы. Можно сделать вывод.

Последнее – по поводу вообще, если говорить вообще, как развивается эта работа, понимаете, она развивается немножко странно. Есть организации, которые 20 лет этим занимаются, а есть организации, которые этим занимаются, уходят на другие темы, на их месте возникают новые, которые начинают как бы выдумывать велосипед заново. И в этом смысле работа пробуксовывает. Она все время как будто бы на одном и том же уровне, как будто мы первые два или три года только начали этим заниматься.

В-третьих, она зависит от грантодающих организаций. Если они объявят две тысячи такой-то год годом предоставления денег на такую-то проблему из сферы жестокого обращения, значит, все будут ею заниматься, поскольку хоть так поддержана будет. А те организации, которые по 20 лет уже в этой теме, можно пересчитать по пальцам, они не умерли, они живы, они работают, но сделать их оплотом, как бы вокруг них наращивать работу, никто и не подумал.

О.М.Здравомыслова. А почему?

М.О.Егорова. Потому что не было задачи у органов исполнительной власти работать с проблемой жестокого обращения. Не было задачи! Проблема была, а задачи не было. А в этом году, большой спасибо Дмитрию Анатольевичу Медведеву за то, что он сказал, что это в центре внимания, что

это корневая причина. И тут все завертелось. Но мы же вертим всегда, как умеем. То есть никто не посмотрел, кто на моей территории 20 лет этим занимается, а все поручили своим центрам заниматься этой работой. И центры начали разрабатывать программы от нуля, не имея достаточных знаний, не имея диагностического инструментария, не будучи просвещенными. Как могли, так и сделали. И вот отражение всего этого в документах мы, по-моему, и находим.

Анализ был очень затруднен. Эксперты несколько раз писали жалобные письма. Они говорили, что это документы, которые не позволяют понять, о чем идет речь. Почему? Они неспецифические. Как только появляется специфическое, сразу эксперты это видят. Они не специфические, они общие. То есть говорим о профилактике психоактивных, употреблении психоактивных веществ, записываем как профилактику жестокого обращения. Вот такие вещи.

Е.В. Забадыкина. У меня еще есть ответ. Дело в том, что государство совершенно не заинтересовано в усилении общественных организаций, абсолютно. Наша госпожа Матвиенко два раза за рубежом упоминала «Стеллит» как организацию, которая занимается профилактикой и помощью детям, пострадавшим от КСЭД. На сайтах правительства висит вот это, что это упоминалось, что оно знает об этом.

Но если, например, на базе «Стеллита» начнется какая-то работа, то есть вкладывание государственных средств, - это сейчас невозможно, мне кажется, по политическим соображениям, это усиление какой-то общественной организации. Поэтому и получается, что если государственные организации в регионе в связке работают с общественными организациями, знают друг друга, они приходят, берут эти материалы и их используют. Если нет, то начинается опять это сначала, к сожалению.

М.О. Егорова. Но все это не так плохо, поскольку сейчас в обязательном порядке до конца 2011 года все учреждения должны перейти в

новые формы: казенные, бюджетные и автономные. И эти формы позволяют давать им государственные задания. А государственные задания можно давать и общественным организациям. То есть в принципе предполагается, что это открытые конкурсы, на которые подаются соответственно заявки, и затем конкурсная комиссия принимает решение. А для общественных организаций - это возможность участвовать в этом. Кроме того, сейчас выделено 900 миллионов рублей на конкурсы для социально-активных организаций, которым будут вот эти деньги распределены через субъекты и чуть-чуть с федерального уровня. Предполагается этим поддержать общественные организации по наиболее актуальным темам.

Насколько я понимаю, профилактика социального сиротства во всем своем объеме, включая профилактику сиротства и жестокого обращения, сюда вошла. Предполагается, что это будет такой постоянный, каждый год действующий денежный поток, который будет поддерживать социально активные общественные организации.

Таким образом, появляются две новые возможности, которые надо ожидать: я думаю, в этом году, первая, скорее всего, в 2012 году, а эти – 900 миллионов в этом году. Это участвовать в качестве исполнителей и поставщиков услуг в конкурсах государственного заказа и получать деньги напрямую от государства как общественно значимые НКО. То есть сейчас все-таки есть позитивные изменения в этой сфере, но они еще как бы до дела еще не дошли.

А.М.Спивак. Я еще хотел сделать добавление относительно возможных рекомендаций. Ситуация, наверное, складывается еще так потому, что региональные органы на многих территориях очень сцентроцентрированы. Они ориентированы не на проблему, а на свои учреждения и не очень глубоко закапываются в содержание тех услуг и той работы, которую эти учреждения ведут, часто, может быть, не знают каких-то подробностей, а на категории, которые охватываются, а не на те, которые

в первую очередь в статистике, в показателях или где-то учитываются, - сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, те, которые уже стали жертвами жестокого обращения, те, с кем уже поздно вести профилактическую работу.

А категория – дети, пострадавшие от жестокого обращения, - она законодательно заужена. Она так воспринимается только для тех детей, у которых уже судебные дела возбуждены в отношении их насилия или возбуждены дела, но нет судебного приговора или еще как-то. То есть это те единичные случаи или десятки случаев, которые прошли через какие-то сита и через систему выявления преступлений попали на учет в правоохранительные органы. Поэтому вся латентность проблемы жестокого обращения – она не видится ни учреждениями, кроме тех единичных, которые с этим работают у себя на территории, ни органами исполнительной власти.

А.С.Тысячнюк, «Воспитательный дом». Я согласен, что проблема как бы размыта. Получается «жестокое обращение», а что это такое? Это именно то, что входит в рамки юриспруденции, то есть суда, или что это такое? Потому что практически любая неблагополучная семья, если глобально посмотреть, несет в себе жестокое обращение с ребенком. Почему это? Это дань какой-то моды что ли - выделение вот именно этого сейчас? Вот я знаю, *sexual violence* или *children violence* – это очень модно на Западе. У нас это тоже как бы ориентировано на Запад? Почему именно вот так? Не просто помощь неблагополучной семье, а именно работа с жестоким обращением?

Вообще что такое жестокое обращение, грубо говоря?

Т.И.Губская, «Воспитательный дом». Дело в том, что мы препарлируем понятие «жестокое обращение» - сексуальное, физическое, психическое, пренебрежение... Мы даже пишем отчеты: столько-то детей оттуда, оттуда, оттуда. А с одним и тем же ребенком сексуально жестокое

обращение в сфере сексуального домогательства – это разве не психологическое насилие? А к этому примешивается еще и физическое насилие и т.д. Поэтому вот это препарирование понятия «жестокое обращение» - оно, наверное, и диктует вот то, что вы сказали, когда отчитываются учреждения, что у них такая программа, такая программа и такая программа. Поэтому, понимаете, либо за чистоту лабораторного опыта нам всем надо бороться, что «жестокое обращение» - это вот именно то, что мы сейчас с вами назовем вот это определение, либо давайте тогда вообще возьмем это все в круглом, каком-то глобальном масштабе.

А.М.Спивак. Помощь неблагополучной семье.

Т.И.Губская. Социально-опасное положение – это что? Жестокое обращение, потому что пренебрежение основным нуждам ребенка. Почему нет?

И потом я, честно говоря, не понимаю специализации учреждения. Я очень хорошо отношусь к идее «ребенок в опасности», потому что начинала наш «Воспитательный дом» с 1992 года. Это наше первое учреждение в этой соцзащите было организовано в Санкт-Петербурге. Дело в том, что в каждом нашем социально-реабилитационном учреждении: «Приют», «Центр» или еще что-то – они и работают с детьми, находящимися в социально опасном положении, стало быть, в жестоком обращении. Поэтому в специализации учреждений, я не вижу в этом никакого, честное слово, практического смысла. Работаю я в наших учреждениях 19 лет.

А.И.Любимова, «Слеллит». Я бы хотела прокомментировать вот что. Мы слишком много заостряем внимания на неблагополучных семьях. В данной ситуации я хотела бы обратить внимание на то, что случаи жестокого обращения происходят и в благополучных семьях, и в семьях с высоким достатком: пренебрежение, насильственные действия, физическое насилие. Они тоже там существуют. И концентрируя внимание на семьях, которые

находятся в социально-опасном положении, мы сразу теряем тот сегмент детей, которым тоже нужна помощь.

О.М.Егорова. Хорошая семья может тоже в социально-опасном положении находиться.

А.И.Любимова. Я и говорю, что не обязательно. Но люди с высоким достатком почему-то автоматически начинают игнорироваться. Да, с нормальным материальным положением, которые не алкоголики, не наркоманы, их почему-то сразу пытаются выключить из этого. А на самом деле они тоже могут представлять для детей опасность.

С.П.Борзов – Национальный Фонд. Мне кажется, что это то, о чем мы говорим, - о неблагополучной семье или факте жестокого обращения, это просто с чисто практической точки зрения для организации раннего выявления. Попробуйте организовать раннее выявление семейного неблагополучия и где будет граница, в какую семью органы опеки могут входить, а где нет и что такое семейное неблагополучие на ранней стадии: это когда мама с папой не разговаривают? А когда мы говорим про жестокое обращение, у нас в фокусе внимания появляются отдельные факты, которые мы можем точно обозначить по времени, что это такое произошло; мы можем описать действие, к которому мы относимся как к жестокому обращению; и мы можем очень точно исследовать причины, которые привели к этому действию. Тем самым мы можем как для семьи, так и для общества обозначить локализацию своего вмешательства в семью, его причины и обозначить сроки нахождения в этой семье. И вот эти все разговоры про то, что сейчас в результате раннего выявления будут приходиться и проверять апельсины в холодильнике, они остаются как бы за кормой всего этого.

Но вопрос о том, что как только мы начинаем говорить про профилактику жестокого обращения, мы поднимаемся, с моей точки зрения, на одну ступеньку в социальной лестнице. Мы начинаем заботиться о новом

слое, о котором раньше не заботились. Мы как бы становимся добрее, человечнее и гуманнее. А если мы становимся как бы добрее и гуманнее, то и понимание жестокого обращения у нас меняется. И мне кажется, что это то, что у нас сейчас в стране происходит: всем сказали заниматься профилактикой, но не разрешили сменить ни само понимание жестокого обращения, ни целевую группу. Поэтому происходит раннее выявление социально-опасного положения, это как бы типа есть мягкая жестокость, а есть в результате жестокая жестокость. В результате раннего выявления те же самые механизмы, которые есть, они начинают проявляться. Поэтому у нас сейчас в стране раннее выявление не развивается.

Как только мы начинаем внедрять другое понимание жестокого обращения, именно как факта, раннее выявление начинает работать. С моей точки зрения, это имеет громадную практическую ценность. Это позволяет уйти от выявления категорий и перейти к реальной практической работе.

Если происходит какое-то вмешательство, оно должно быть чем-то обосновано. Может быть, каким-то перечнем жестоких фактов, что считается на данный момент жестоким обращением. Это же не чисто с позиции доброты должно оцениваться. Вот как бы у нас это существует - где-то нормативный уровень, чтобы было понятно, что такое жестокое обращение: психологическое насилие. Вот у нас в учреждении нет такого перечня: что такое жестокое обращение?

А.М.Спивак. Здесь можно говорить о том, что реально есть пробел в законодательстве, хотя само понятие жестокого обращения в законодательстве есть. Оно есть, скажем, в Уголовном кодексе: там, где жестокое обращение являетсяотягчающим обстоятельством. Если идет злоупотребление родительскими правами или нарушение прав ребенка – это 156-я статья, - сопряженное с жестоким обращением, то это предмет рассмотрения уголовного дела и установления состава преступления и

уголовного наказания. Но не сказано, что какое жестокое обращение в самом тексте диспозиции этого закона.

А существует разъяснение в Семейном кодексе. В нем есть понятие жестокого обращения как одно из оснований для лишения родительских прав. Там какие-то указаны вещи.

И есть разъяснение при этом Верховного Суда, который говорит, что к жестокому обращению при рассмотрении этих дел следует относить не только физическое, эмоциональное, сексуальное насилие, пренебрежение потребностям, но и причиняющие вред (может быть, я сейчас неправильно процитирую), унижающие методы воспитания. Есть некоторые разъяснения. Но эти формулировки применяются либо при наказании, либо при лишении родительских прав, а не при принятии мер по защите прав ребенка - профилактических или реабилитационных. Вот здесь трактовки нет, и понятие только есть угрозы жизни и здоровья непосредственно. Поэтому здесь, действительно, есть пробел и законодательно нужно государственным органам, которые уполномочены защищать права детей, органам опеки или комиссиям защиты несовершеннолетних, необходимо усиливать эту нормативную базу и достаточно более подробно, чем сейчас, разъяснять, какие именно действия относятся к нарушениям прав ребенка.

С.П.Борзов - Национальный Фонд. Мне кажется, что мы, когда требуем очень точного определения на уровне общей формулировки, что относится к жестокому обращению, а что не относится, мы опять остаемся в парадигме понимания жестокого обращения в рамках истязания или там категории социально-опасных семей. Потому что там это понимание мне нужно для того, чтобы очень точно обозначить свое право вмешаться в семью, не спрашивая точки зрения вообще семьи.

А когда я занимаюсь профилактикой, мне необходимо только с точки зрения своей профессиональной позиции понимать, что вот это неэффективное педагогическое действие является жестоким обращением с

точки зрения нанесения вреда развитию ребенка. И тогда я из своей профессиональной позиции, что мне семью нужно поддерживать, я выбираю совершенно другие инструменты. Я вовлекаю семью, я устанавливаю с ней контакт, я пытаюсь объяснить ей, почему так делать нельзя, и разрабатываю с ней инструменты новых педагогических инструментов воспитания ребенка.

Вот это нормативное определение жестокого обращения мне становится ненужным. Мне кажется, что вот эта мешанина, которая у нас сейчас есть, когда мы в старой форме пытаемся испечь новый хлеб, приводит к тому, что вот такая мутная вода в этой сфере у нас получается.

С точки зрения организации профилактики, исходя из реальной практики, этого не нужно. В тех регионах, где мы организовали ранние выявления, никто из кураторов не жалуется, что его не пускают в семью, ему не удается туда войти или как-то. У них масса проблем с организацией помощи, потому что профилактических услуг нет, а объяснить родителям и спросить у них, когда его били, эти три раза его специально били, или это была беспомощность - в общем, и все проблемы снимаются.

В противном случае, если мы будем на этом настаивать, как бы ставить телегу поперек лошади, что вначале опишите, что два раза крикнуть на ребенка – это жестокое обращение, внесите это в закон, и тогда я буду иметь право наказывать родителей и отобрать у них ребенка, вот тогда мы будем делать то, чего больше всего боятся.

В.Е.Алексеева – Центр лечебной педагогики. Мне кажется, что такое тщательное формулирование термина «Жестокое обращение» очень важно, потому что для государства удобно пренебрегать этим. Допустим любое, с нашей точки зрения, ущемление прав ребенка является жестоким отношением к нему. Допустим, сейчас есть право на получение образования детьми с нарушениями в развитии, но государством опять же ставятся какие-то искусственные препоны для получения этого права. То есть дети с психическими нарушениями не могут быть, допустим, включены в коллектив

дошкольного учреждения. И это закреплено в государственных типовых положениях и в других документах. Поэтому термин: «Жестокое обращение», его расшифровка – должны быть очень приняты и широко использоваться.

М.О.Егорова. Мне кажется, важным, когда мы говорили, что нужно различать определение жестокого обращения (скорее, даже насилия) для проведения следствия и уже уголовного наказания и различать эти же понятия для ведения реабилитационной и профилактической работы. Для того, чтобы работать с ребенком или с семьей, где совершается насилие, не нужно никаких санкций, потому что сам ребенок и те нарушения, которые у него появляются, свидетельствуют о том, в каком направлении вести реабилитацию и что делать. И ничего не мешает нам эту работу начать уже делать, поскольку уже есть пострадавший ребенок и соответственно его семья.

А вопрос наказания – этот вопрос очень важный, он тоже имеет отношение и к реабилитации, и к самочувствию семьи и ребенка, и ко всему остальному, но это все-таки отдельное дело. И вот эти две вещи, может быть, должны быть и в законодательстве тоже разведены. Иначе мы будем вечно привязаны к следственным действиям. У нас будет получаться, что у нас громадная реабилитационная программа для четырех детей в год.

А.И.Любимова, Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит».

Хотела бы рассказать о нашем исследовании, которое проходило в прошлом году и сейчас завершилось. Этот проект реализовывался совместно благодаря финансированию Региональной правозащитной общественной организации «Соппротивление». Гранты распределялись после того, как президент издал указ о поддержке социально значимых проектов.

Соответственно, Санкт-Петербургская общественная организация «Служба социально-юридической помощи пострадавшим от насилия» выиграла этот

грант, и мы им помогали делать исследовательскую часть и, собственно говоря, ею заведовали в этом проекте.

Проект реализовывался с ноября 2009 года по октябрь 2010 года. Исследовательские мероприятия были направлены на исследования лиц, которые совершили преступления против половой неприкосновенности детей и подростков. Также это был ...детей и подростков – клиентов ППМС-центров, приютов временного пребывания. Также были консультации с рабочими группами экспертов и рабочими группами с молодежью.

Но основная цель самого проекта – найти направление и выработать рекомендации по профилактическим мероприятиям различного уровня и в разных группах населения. На данный момент Служба социально-юридической помощи пострадавшим по итогам предыдущего года получила новый грант для того, чтобы донести до максимально большого количества людей наработки предыдущего года, а также создать единый этический подход к работе с детьми – жертвами подобного рода преступлений. Кроме того, сделать попытку создать единую программу профилактических инструментов разного уровня.

Свое выступление я хочу в основном сконцентрировать на исследовании лиц, которые совершили подобное преступление. Основной целью было выявление направления противодействия. Задачи исследования имели достаточно широкий круг. В России небольшое количество исследований существует на данную тематику, в основном это исследования Федеральной службы исполнения наказаний, которые, к сожалению, общественности не так доступны. Потому что это внутренние исследования, которые направлены для того, чтобы улучшить работу психологической службы.

Соответственно, общественной организации такое большое исследование, мне кажется, удастся провести первый раз, причем при тесном сотрудничестве с психологической службой – службой исполнения

наказания. Чтобы наиболее полно описать эту проблему, мы хотели узнать социально-демографическую структуру лиц, которые осуждены за подобные преступления, выявить факторы, которые их привели к тому, чтобы они стали совершать такие преступления, выявить их отношение к пострадавшим от их преступлений.

Сейчас для многих организаций волнующая тема: насколько в России актуальна сеть Интернета, коммуникативное устройство при вовлечении несовершеннолетних в опасные для них ситуации, такие как сексуальная эксплуатация и развратные действия.

Мы заявили оценку риска рецидива среди лиц, осужденных за данные преступления. Это основано на методике - матрица риска-2000. Это западная методика. У них существует несколько таких шкал. О ней я расскажу поподробнее.

Я хотела бы сказать, что в целом инструментарий исследования был основан на лучших наработках как российских ученых, так и западных специалистов, которые уже не первый год работают с данной проблемой.

У нас модель объекта исследования достаточно мелкая, но я хотела бы, в общем, ее описать. У каждого деяния есть период, который ему предшествует. Как говорят многие наши коллеги, у лиц, которые совершают любое преступление, начинают формироваться подобные наклонности и предрасположенность к этому начиная еще с подросткового возраста, с воспитания. То есть считается, что может повлиять неблагополучная семья или собственный опыт пережитого насилия – психологического, сексуального, физического. Также исследователи обращают внимание на то, что лица, которые совершают преступления сексуального характера, очень часто имеют в анамнезе преступление, например, против собственности, то есть уже имеют какой-то определенный преступный путь. В какой-то определенный момент личность формируется, и у человека есть уже устойчивое убеждение, восприятие, личностные характеристики. И так или

иначе при условиях, при стечении обстоятельств может возникнуть данная ситуация.

Это модель, по которой мы исследовали данные преступления. Методами у нас были анализ судебных приговоров и опрос респондентов по путеводителю с использованием психологических шкал.

Я хотела бы обратить внимание на то, что участие в исследовании было добровольным со стороны лиц, которые совершили данные преступления. Потому что это соответствует этике проведения подобных исследований. В связи с этим у нас несколько сместилась выборка по понятным причинам. Потому что при анализе судебных приговоров психологические службы исполнения наказаний отобрали всех людей, которые нам подходят, по преступлениям против половой неприкосновенности. Но согласились не все, кому это предложили.

Психологические шкалы у нас были направлены на замер самооценки, асертивности и подобных им индикаторов. Исследование лиц, совершивших насилие, проходило в пяти федеральных округах. На данный момент Мурманск и Ленинградская область еще в обработке, потому что очень поздно региональные службы исполнения наказаний дали добро на проведение исследования. Объем выборки по четырем областям - 165 человек. И также дополнительно 50 человек в Санкт-Петербурге и Мурманской области.

Далее я буду говорить как раз про те 165 человек, которые успели попасть в обработку. То есть мы попытались замерить, по каким статьям отбывают наказание лица – наши респонденты, и оказалось, что действия насильственного характера преобладает над развратными действиями. Если брать суммированно по статьям, например, торговля людьми среди наших респондентов встречалась в очень небольшом количестве случаев. Также изготовление, оборот материалов тоже встречался не так часто, как предполагалось.

Социально-демографические характеристики говорили нам о том, что у нас преобладают лица мужского пола. Это можно интерпретировать двумя способами: либо у нас действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних со стороны женщин характеризуются высокой латентностью, либо это действительно так. Но если брать, например, западную статистику, там процент женщин, осужденных за данные преступления, намного выше.

Средний возраст опрошенных был почти 31,5 года. Но при этом был очень высокий разброс. То есть самый старший респондент у нас был 77-летний.

Тем не менее я хотела бы обратить внимание на то, что основная доля все-таки приходилась на средний возраст.

Хочу обратить внимание на уровень образования респондентов. В принципе респонденты имели недостаточно высокий уровень образования. Некоторым участникам исследования, которые даже дали согласия, пришлось отказать в участии в исследовании, потому что они не до конца понимали смысл и содержание заявленных вопросов, то есть в связи именно с низким образовательным статусом.

Хотела бы обратить внимание также на источник дохода. Мы пытались замерить состоятельность данных людей. Как мы видим, все-таки значительная доля людей работали на постоянном месте работы. Также мы измеряли, в каком виде противоправной деятельности люди участвовали в течение 12 месяцев перед совершением преступления. Как вы видите, значительная доля, то есть больше, чем 1/10, занималась, например, воровством и грабежами.

Это как раз к гипотезе о том, что все-таки имеется некоторый криминальный опыт у людей, которые вовлечены в данного рода преступления.

Детский, подростковый период появился не случайно. Мы как раз хотели замерить сам этот путь формирования лица, которое совершило данное преступление. Как мы видим, весьма значительна доля тех людей, которые непостоянно воспитывались в семье до совершеннолетия.

Также мы замеряли собственный опыт пережитого насилия среди этих людей. Этот слайд посвящен тому, что, например, одна четверть наших респондентов указали на то, что в принципе были свидетелями насилия в семье до достижения совершеннолетия. Это именно слайд про семью. Также 4,2 процента видели или знали о том, что в их семье произошло сексуальное насилие. Психологический климат в семье неблагоприятно оценили $\frac{1}{4}$ респондентов.

Что касается личного опыта пережитого насилия, то 43 процента респондентов указали на подобный опыт. И если обратить внимание, то наиболее часто это происходило в возрасте от 5 до 9 лет и от 10 до 13, то есть в таком возрасте, когда происходят наиболее серьезные изменения в психике ребенка и подростка.

То же самое и психологическое насилие. Психологическое насилие для респондентов мы расшифровывали как систематические унижения, например травлю в школе и т.д. $\frac{1}{5}$ часть респондентов указали, что у них был такой опыт. Среди тех, у кого был опыт, возраст от 10 до 13 лет оказался решающим.

Как ни странно, на наличие опыта пережитого сексуального насилия, который очень многие ставят во главу тех причин, которые людей приводят к тому, что они сами совершают преступления сексуального характера над детьми и подростками, указали у нас менее $\frac{1}{10}$ респондентов. И что самое интересное – наиболее часто на факт такого насилия указывали респонденты в Ростовской области.

Я хотела бы обратить внимание, что наши исследования показывают, что это проблема не настолько актуальна. Если знакомиться со многими

докладами и статьями, все-таки этому уделяется очень большое внимание. Если верить статистике, то таких людей должно быть больше. Либо респонденты имели право отказываться или имели право говорить то, что считают нужным. Либо эта проблема латентная, либо это действительно факт.

Также мы хотели замерить, насколько данные люди отличаются или не отличаются от общей популяции. Потому что бытует такой миф, что лица, которые совершают насилие, - социальные изгои. Наше исследование развеяло этот миф. Если обратить внимание на цифры, то по самооценке респонденты считают, что они не сильно отличались от своих сверстников. И зачастую все было абсолютно также.

Примерно такие же результаты были связаны и с отношениями в армии, с отношениями с коллегами в течение рабочей карьеры наших респондентов.

На этом слайде мы видим, что в браке или в гражданском сожителестве пребывали более половины респондентов. Если вспомнить о том, что возрастная категория наших респондентов начинается с восемнадцати лет, то гипотеза о том, что это одинокие волки, развеяна. Как мы видим, примерно одинаковые доли – это гражданский брак и зарегистрированный брак.

Далее у нас в анкете шел блок по алкогольно-зависимому поведению. Я бы хотела обратить внимание, что всего 5,5 процента считают себя полными трезвенниками, то есть теми людьми, которые никогда не употребляли алкоголь. И достаточно ранний возраст первой пробы алкоголя: основные доли приходятся на возраст до девятнадцати лет.

Также респонденты указали на то, что у них встречались такие негативные случаи после употребления алкоголя, как конфликты в семье, финансовые затруднения.

Я бы как раз хотела обратить ваше внимание именно на употребление алкоголя. Как мы увидим дальше, он имеет очень серьезную роль в том, что люди вообще совершают преступления.

Также если брать употребление наркотических веществ, то почти 1/5 респондентов их употребляли когда-либо в жизни. В наркологический диспансер обращались шесть человек. У нас были респонденты, которые состояли на учете в психоневрологическом диспансере. Несмотря на то, что эти лица попадали так или иначе в поле зрения врачей, которые могут выявить какие-то наклонности у людей, за ними ничего такого замечено не было, и они состояли на учете по совершенно посторонним проблемам.

Мы хотели узнать: отличается ли чем-то их сексуальное поведение. От общей популяции это несильно отличается. Единственное – о гомосексуальных контактах упомянула достаточно высокая доля респондентов. Перед совершением преступления в течение двенадцати месяцев люди имели либо регулярного, либо случайного партнера, что опять же говорит о том, что это люди, которые не отличаются от общей популяции.

Когда мы просили респондентов оценить свою ориентацию, большинство респондентов оценили себя как гетеросексуальные. И далее мы уже переходили к блоку интереса к несовершеннолетним. Только 11 процентов опрошенных признали, что у них есть такой интерес. Опять же возвращаясь к мифу о том, что все лица, которые совершают подобные преступления, - педофилы. Педофилия – это психиатрический диагноз. Меньшую долю тех людей, которые совершают подобные преступления, можно квалифицировать как педофилы. Наверное, все-таки этот процент немного выше. Потому что социально-желательные ответы никто не исключает.

Однако при этом в общей сложности 18,8 процента респондентов указали, что искали намеренно различного рода видеоконтент, где сцены с

несовершеннолетними были с атрибутикой, которая выражает детский, подростковый период, например школьная форма и т.д.

Из выборки по этим программам мы видим разделение. Когда респонденты указывали, где они их искали, - это в основном были видеосалоны и Интернет.

Об активности, которая напрямую связана с преступлениями против несовершеннолетних. 9,7 процента, то есть почти 1/10, использовали услуги несовершеннолетних. Соответственно, это связано с тематикой КСЭД (коммерческой сексуальной эксплуатации детей). 4,2 процента знакомились с несовершеннолетними через Интернет, и 2,4 процента использовали коммуникативные сервисы. Под коммуникативными сервисами я подразумеваю мобильные знакомства и подобного рода вещи.

Также я хотела бы отметить: что касается Интернета и коммуникативных сервисов, здесь очень велика доля вклада Ростовской области – положительные ответы на эти вопросы. И также использование услуг несовершеннолетних. Ростовская область сделала значительный вклад в это.

Здесь мы как раз замеряли преступную активность помимо преступлений сексуального характера, то есть почти 42 процента опрошенных в принципе совершали подобные преступления, которые не были связаны с преступлениями сексуального характера против несовершеннолетних. И при этом у значительной доли этот возраст не достигал 18 лет. То есть действительно гипотеза о том, что криминальный... все-таки у этих людей присутствует, она подтвердилась.

Если посмотреть по видам преступлений, то как раз ведущим у нас является преступление против собственности, которое я уже упоминало. Потом идут преступления против жизни и здоровья и небольшой процент преступлений против общественной безопасности и правосудия.

Если брать сами преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, то я хочу обратить внимание на то, что большинство отбывает наказание в первый раз. Есть подразделение между исправительными учреждениями, например в строгом режиме очень часто люди пребывают во второй и третий раз. В этой выборке таких людей было меньшинство.

Так как респонденты имели право отказаться, 15 процентов респондентов отказались отвечать на вопросы о преступлениях, которые они совершили против несовершеннолетних.

Таким образом, так как у некоторых была не одна жертва, у нас получилась информация по 165 жертвам. Дальше у нас пошли характеристики этих преступлений.

Хочу обратить внимание на то, что $\frac{3}{4}$ случаев преступлений совершалось в том же городе, где проживал респондент. Получается почти четверть случаев – это преступления так называемого выездного характера. То есть это значительная доля, хотя так может сначала не показаться. Например, в другом городе и поселке, но в том же регионе совершалось 12,1 процента преступлений.

Из-за того, что немножко сместилась выборка, у нас основная доля приходится на 14-17 лет, но в этом промежутке все-таки 14-летние преобладают.

Также хотелось бы обратить внимание на очень высокий процент - 8,5 – это 4-6 лет детей-жертв, ну, и 10-13 лет - тоже достаточно высокий процент.

Хотелось бы обратить внимание на то, в России почему-то часто эти преступления совершают близкие знакомые или родственники ребенка. Как мы обнаружили, чуть более чем в половине случаев респондент был знакомым и в 6,1 процента он был родственником потерпевшего. Но как говорят специалисты, процент родственников выше в два раза.

Как правило, насилие совершалось один раз. Тип насилия в большинстве случаев – насилие с физическим контактом. То есть такого рода насилие, как эгзбиционизм или съемка фильмов, или фотографии эротического содержания встречались значительно реже. Как на слайде можно увидеть, что как раз бесконтактная форма – это в основном фотографирование или съемки фильмов.

Мы попытались замерить планирование преступлений. И респонденты сказали, что лишь в незначительной доли они заранее планировали совершение преступления, то есть выбирали жертву. В большинстве случаев, если респондент не был знаком с жертвой, это была случайная жертва, когда он, например, просто шел с работы или после занятия в вузе.

Хотела обратить внимание на алкоголь. В очень значительной доли респонденты употребляли алкоголь при совершении преступлений. Почти в одной четверти случаев эта доза была превышена, причем значительно. У нас в анкете был вопрос: почему вы превысили эту дозу? В основном были варианты: хотелось напиться, либо варианты: что-то праздновал. Как раз после празднования очень часто эти ситуации и происходили.

Если обратить внимание на место, где произошло это преступление, то достаточно высокая доля домашних преступлений. В принципе если сложить преступления, совершенные в доме или в квартире, то эта доля превышает доли улицы, парка, сквера, - что считается классическими местами случайной встречи жертвы с насильником.

Мне кажется, нужно на это обратить особое внимание. В программах профилактики тоже очень важно это учесть. Улица, парк и сквер – не всегда самые опасные места для ребенка и подростка.

Если обратить внимание на то, в какое время суток это происходило, то основная доля приходится на вечер-ночь. Здесь в принципе ничего удивительного нет. Потому что это опять же связано с употреблением алкоголя. Люди обычно выпивают после работы, ближе к вечеру.

Когда мы спрашивали респондентов, что их привлекло в данном конкретном несовершеннолетнем, они указали в основном на невинность, неспособность сопротивляться.

Особое внимание я хотела бы обратить на то, что отсутствие рядом взрослых очень часто было решающим фактором в данной ситуации. То есть было проще уговорить детей и было проще к ним подойти лицу, у кого возникли такие намерения.

У значительной доли респондентов были сообщники. Также есть небольшая доля, когда респондент просил у других несовершеннолетних привести жертву.

По преступлениям я хотела бы прокомментировать то, что у нас было некоторое количество вопросов о том, как респондент относится к тому, как жертва восприняла ситуацию. Выявился достаточно высокий процент заблуждений. Например, когда люди считают, что 10-летний ребенок, например мальчик, воспринял это с радостью, ему нравилось и т.д. То есть у респондентов присутствует неправильное восприятие последствий и самого процесса насилия над ребенком.

Если взять психологический портрет, то это интроверты. Интеллектуальный уровень – средний. Это коррелирует с тем, что это невысокий уровень образования, низкие волевые качества и неустойчивая самооценка.

Оценку риска рецидива я уже упоминала. В самом вопроснике, в разных местах, в тематических блоках были вопросы, которые помогали собрать эту шкалу. Это вопросы про криминальный бэкграунд, брачные отношения. Чтобы оценить риск рецидива, очень важен был возраст респондента.

Хочу обратить внимание на то, что у нас в выборке по областям со средним риском очень высокие доли респондентов. Это говорит о том, что профилактические программы для лиц, совершивших преступления

подобного характера, необходимы. Потому что если с данным контингентом не работать, то у нас будет высокий риск того, что они через какое-то время снова вернутся в исправительное учреждение. К тому же присутствовавшие на экспертных группах следовали говорили, что зачастую именно так и происходит: если вы не работаете с лицами, которые совершили насилие, то они возвращаются потом в исправительное учреждение и зачастую даже с более тяжелыми вариантами. Например, если он до этого изнасиловал ребенка, после этого он возвращается с изнасилованием и убийством, потому что пытается скрыть это более тщательно.

Мы спросили самих респондентов, что, по их мнению, было важно, чтобы предотвратить подобные преступления. Соответственно, как мы видим, это комендантский час, закрытие сайтов, информационные кампании и ужесточение наказаний. Особенно интересно то, что респонденты указали организации антиалкогольной кампании, видимо, потому, что они сами признают (по их собственному признанию): это зачастую был один из ведущих факторов потери самоконтроля.

Я еще хотела сказать по поводу исследования среди детей. У нас был небольшой прикидочный скрининг по тому, насколько удачно можно выявлять детей – жертв жестокого обращения и сексуального насилия в частности. По факту получается, что все-таки признаки сексуального насилия не специфичны и очень часто просто сливаются с признаками жестокого обращения. Как правило, если нет хорошего контакта между психологом или социальным педагогом и ребенком, то ребенок, если сам не скажет, то очень сложно сказать, что это факт сексуального насилия.

Е.В. Забадыкина . Это очень небольшая часть результатов по этому исследованию. Оно еще обрабатывается, осмысляется. Есть первый отчет, который был сдан, который доступен. Будут и дополнительные отчеты.

Я хочу еще раз сказать дополнительно, что по результатам этого исследования были проведены Круглые столы, экспертные группы во всех

федеральных округах. Были сделаны рекомендации специалистов, в том числе была отдельно собрана и молодежь – молодые люди до 25 лет, которые говорили о том, что можно делать для противодействия этому злу. Сейчас готовится пакет методических рекомендаций по профилактике, куда входит и первичная, и вторичная, и третичная профилактика. Это даже не наши наработки, а все, что мы нашли по России.

Слушая сегодня доклад М.О. Егоровой, я поняла: что-то мы наверняка не нашли. Поэтому если есть такая возможность, пожалуйста, присылайте, что-то вы знаете. Потому что сейчас мы готовимся к проведению фокус-групп в регионах, которые будут оценивать этот пакет методических материалов: что, они считают, пройдет, что не пойдет, и специфику регионов. К сентябрю все это будет готово.

Так что идем в ногу с вами, можно сказать.

О.М.Здравомыслова. По содержанию. Как Вы оцениваете вообще распространенность сексуального насилия по отношению к детям? И почему у Вас все время звучала Ростовская область? Вы как-нибудь пытались понять, с чем это связано?

А.И.Любимова. Я разговаривала с психологами Ростовской области. Им самим тоже было очень сложно осознать, почему это происходит. Единственное, что они могли предложить, - это опять же очень высокий уровень алкоголизации, по их мнению. Но внятной интерпретации они как люди, проживающие в Ростовской области, не смогли дать

О.М.Здравомыслова. Почему я это спросила? Несколько лет назад (лет пять назад) у нас представлялось исследование по насилию в отношении женщин в семье. Там была тоже выявлена очень высокая распространенность насилия как раз в Южной России – Краснодарский, Ставропольский края. Я не помню, был ли Ростов. Примерно где-то эти пограничные области. Действительно возникает вопрос: что это такое, что за особая культура отношений там существует?

Е.В.Забадыкина Есть гипотеза, что это лучшая работа правоохранительных органов. Может быть, там просто надо больше обращать внимание.

М.О.Егорова У меня вопрос к исследователям. Может ли это связано с тем, что ювенальная юстиция как институт в Ростовской области, может ли это повлиять на такие данные, на Ваш взгляд?

А.И.Любимова. Да, может повлиять. Что касается распространенности. По докладам МВД, если развратные действия, действия сексуального характера сложить вместе, то счет идет на тысячи. И по годам очень разная ситуация бывает. То есть два года - резкий спад, два года – резкий рост. Сейчас настроения достаточно оптимистические, потому что на федеральном уровне взяли за эти преступления достаточно серьезно, ужесточают наказание, настаивают, чтобы уже полиция занималась серьезно с такими обращениями. Может начаться рост регистраций данных преступлений, но это не значит, что их стало больше. Это значит только то, что органы начали работать лучше.

Основной вывод – это то, что лиц, которые совершают подобные преступления, фактически из общей популяции сложно выделить. То есть если этот человек идет, или вы с ним общаетесь, нельзя сказать, что это человек, который совершает насилие или хочет его совершить. Фактически это подтверждает гипотезу о том, что профилактика, которую многие считают неэффективной, когда она направлена на общую популяцию, на самом деле в данной ситуации является одной из приоритетных. Потому что очень сложно выделить таких людей.

Подтвердилась гипотеза по поводу того, что предыдущий опыт криминальный. Кроме того, выводами по данному исследованию может служить то, что действительно необходимы программы реабилитации, как это ни странно, для лиц, которые совершили данные преступления, чтобы в

дальнейшем они эти преступления перестали совершать и научились контролировать себя.

Кроме того, данное исследование показало, что нельзя забывать о таком сегменте преступлений сексуального характера, как внутрисемейное насилие – не только инцест, но и когда, например, близкие родственники совершают насилие, то есть не только отчимы, отцы.

Миф о том, что преступления совершают только незнакомцы, разрушается...

По поводу социально-желательных ответов. Психологи, которые собирали информацию на местах, пробовали давать анкеты для самозаполнения. Потом уже...помогать ему дозаполнять. Анкеты, которые давали для самозаполнения, несильно отличаются от тех, которые были проинтервьюированы лицом к лицу респондентов.

Мне кажется, в данной ситуации получить на это действительно правдивые ответы можно только при регулярной работе психолога с данным контингентом. Но, к сожалению, у нас в Службе исполнения наказаний психологов слишком мало. А тех, с кем им нужно работать, слишком много. Поэтому они зачастую не могут найти контакт между собой.

А.В.Зыков – Санкт-Петербургский Фонд «Новые шаги». По поводу профилактики. Вы же, наверное, предполагали: какую профилактику Вы видите? Сказали, что их трудно вычленишь, должна быть какая-то профилактика, направленная... Какие-то предположения, гипотезы, что можно делать?

А.И.Любимова. Профилактика должна быть направлена на общую популяцию. То есть должны быть информационные компании, которые неселективны. Тут можно подключить все варианты...

А.В.Зыков. Не очень понятно, как это может выглядеть.

А.И.Любимова. Сейчас это будет утверждаться в ходе экспертных групп. Будет предложен профилактический пакет.

Е.В.Забадыкина. 12 мая как раз будет фокус-группа по обсуждению – что можно сделать, исходя из результатов исследования, опроса специалистов семи регионов. Они предложили одну из вещей – это создание ...плакатов. Мы очень долго думали, какой может быть плакат по профилактике сексуального насилия в отношении взрослых. Мы выбрали такую тему, как неотвратимость наказания. Все, что мы придумали. Если вы что-то придумаете... Потому что это реально очень тяжело - как это изобразить графически.

Есть некоторые предложения, в том числе: ребенок – не игрушка и т.д., и т.д., которые сейчас есть. И мы готовы пригласить всех к участию в обсуждении этих плакатов. Вас персонально 12 мая приглашаем: приходите, чтобы обсудить это с экспертами. Действительно, походи туда - не знаю куда, найди то – не знаю что, как это делать. Но делать что-то реально надо. Мы то, что можем, принимаем.

Вопрос. Елена Владимировна, Вы упомянули о рекомендациях. А кому они будут адресованы?

Е.В.Забадыкина. Сейчас нашей целевой аудиторией являются власти – власти регионов, в которых проходят эти Круглые столы, администрация города, социально-реабилитационные центры. Там очень большое количество материалов, касающихся, как я говорила, первичной, вторичной, третичной профилактики. Разбиты на группы населения. Это специалисты; это дети; это лица, совершившие преступления или потенциально совершившие преступления; молодежь; родители. Для них всех мы нашли какие-то материалы. Иногда они пересекаются. Какие-то материалы мы создаем специально. Это, например курс лекций для образовательных учреждений по профилактике (о чем Вы говорили, чего не хватает). Например, то методическое пособие, о котором я буду говорить, может работать и на первичную, и на вторичную, и на третичную профилактики, может использоваться специалистами.

Для родителей специально готовится буклет, например, как говорить с ребенком о проблеме профилактики сексуального насилия. Это все мы будем обсуждать со специалистами. Потому что мы только предлагаем. И у нас больше вопросов, чем ответов, скажем честно. И всех присутствующих предлагаем тоже выступать нашими цензорами (я бы также так сказала), кураторами. Потому что действительно очень сложно.

Те, кто занимается помощью пострадавшим детям, понимают, что надо вкладываться в профилактику. Потому что помогать тем, кто попал..., - очень-очень-очень... И историй успехов очень мало. А то, что связано с коммерческой социальной эксплуатацией, совсем мало. Поэтому когда нам говорят: давайте, скажите нам историю успеха, тут-то... Поэтому вкладываться в профилактику. А у нас не хотят вкладываться в профилактику. Считают: как будто мы отапливаем пространство.

Мы очень рады, что это именно грант президента. ...профилактики. Хотим ее использовать по полной.

Так что приглашаем всех к участию.

А.В.Квятык – Санкт-Петербург, Центр социального обслуживания населения. Александра, скажите, пожалуйста, Вы в рамках этого исследования задавали вопросы по нравственной потребности респондентов. Как бы это выразить: их эмоциональные потребности в нравственном ключе, вероисповедание...

А.И.Любимова. Да, мы задавали им вопросы об их вероисповедании. Подавляющее большинство (я сейчас не помню цифру) указали, что они верующие и православные.

Я хотела бы упомянуть, что по национальной принадлежности большинство респондентов оценили себя как русские.

По поводу потребностей. Единственный вопрос, который еще можно к этому отнести, – мы их спрашивали: что им нужно было и во время заключения и после того, как они выйдут из-за заключения. Многие

респонденты указали, что им необходима психологическая помощь и поддержка: чтобы им помогли социально адаптироваться после того, как они выйдут. Они считают, что это необходимо. То есть помогли бы найти работу и включиться обратно в общество.

Многие признают свою вину в полном объеме. Не знаю, переживают по этому поводу или не переживают, но хотят построить свою жизнь без повторения подобных ситуаций.

Т.И.Губская – «Воспитательный дом». Профилактические меры – например, плакат о котором вы говорили, адресован тем, кто уже совершил это наказание? Или это профилактика совершения этого наказания? Ваше исследование показало, что интеллектуальный уровень совершивших преступления достаточно низок.

Е.В.Забадыкина. Это очень хороший вопрос. Действительно мы пытались делать то, что мы придумали. Но я хочу еще обратить внимание, что это исследование тех лиц, которые попались и которые осуждены. Каждый сидящий здесь может придумать цифру, на которое это количество можно умножить. И согласились ответить. А сколько тех, которые имели средства и достаточной изобретательности для того, чтобы не попасться. И они, я думаю, имеют часто хороший интеллектуальный уровень, способны к рефлексии, во всяком случае в тех случаях, когда они не употребляют изменяющие сознание вещества.

Создание самого контекста в обществе, что зло наказывается, даже не наказывается, а лучше этого не совершать (если можно так выразиться). Такой гуманистический посыл, мне кажется, очень нужен нашему обществу. Потому что сейчас существует впечатление безнаказанности - это то, с чем мы сталкиваемся, в том числе и среди детей. Потому что если ласково и нежно – это не является насилием. Это то, с чем я встречаюсь. Сами дети не маркируют это как насилие.

С.Р.Борзов. В подтверждение Ваших слов. Я работал в Томске. С ЮНИСЕФ была программа поддержки пострадавших от сексуального насилия. Мы развернули рекламную кампанию. 90 процентов обратившихся – это те молодые женщины, которые обратились первый раз. И мы были первые, кто про это узнал. А срок пережитого насилия от нескольких месяцев до пятнадцати лет.

Самый яркий для нас случай. В профессорско-академической семье сексуальное насилие продолжалось, по-моему, около восьми лет, и никто про это не знал. Все в этой семье имели те или иные кандидатские степени. Это все было в родственной семье.

Поэтому Вы абсолютно правы. Куда этот плакат будет направлен?

Е.В.Забалдыкина. Приглашаю всех к обсуждению.

М.О. Егорова. Мне кажется, что один из путей профилактики – это обращаться все-таки к группе риска, а не ко всему населению. И обращаться, понимая их характеристики. Вы указывали в исследовании характеристики. Не только уровень их образования, но такие характеристики, как собственное пережитое насилие и т.д.

Люди, которые имеют определенные характеристики, будут обращать внимание на определенного рода обращения к ним. Таким образом, косвенным путем вы делаете рекомендации или профилактический материал не людям, которые в детстве пережили насилие. Никто так себя не хочет осознавать. Хочет иметь в прошлом любящих родителей. А вы обращаете материал к этим людям, которые сейчас, например, имеют детей, как к людям, которые стремятся быть хорошими родителями и волнуются за безопасность ребенка.

Почему? Потому что косвенный признак родителей, которые сами в своей родительской семье пережили насилие, неточно понимают, что можно и чего нельзя в любви. И они все время беспокоятся: могу я помыть своего ребенка в ванной, если я мама, а он мальчик. Или это уже нельзя. Или это так

же, как со мной было. Они не чувствуют эти границы. Поэтому любое обращение к ним как родителям, которые беспокоятся за безопасность своего ребенка, будет обращать их внимание.

И тогда в этой книжке пишется материал для них. А не только по поводу того, что он может и не может со своим ребенком. Этот материал уже обращен к нему. Он и профилактика, он и реабилитация – все вместе. Вот один из путей.

Второй путь, который используется в мире, но, к сожалению, крайне слабо развит в Российской Федерации. Это, как бы мы сказали по-русски, библиотерапия, а по-английски называется Life Lave Books. Это книги, которые пишутся для людей разного уровня образования, с которыми надо разговаривать по-разному. Для них пишутся книги с другими концами. Там изображена сложная жизненная ситуация, которая провоцирует насилие, и показано, как можно выйти из нее без насилия. Там изображена ситуация насилия и показано, как можно двигаться дальше, как можно переживать его.

Такие книги для людей, которые молчат о пережитом и не хотят говорить, или молчат о преступлении, или молчат о пережитом насилии. Но книга с ними разговаривает. И к Life Lave Books относятся книги, которые вообще выбраны в мировой литературе, написаны прекрасными талантливыми авторами.

И вторая линия – это книги, которые пишутся специально на определенные ситуации. Библиотерапия в первую очередь обращена к детям, но абсолютно то же самое можно обратить к взрослым, которые совершают нарушения. То есть тема насилия и тем более сексуального насилия - эта тема, в которой все время приходится идти обходным путем. Прямо ты не пройдешь. Ни в плакате, ни в листовке, ни в рекомендации, ни в материале. Только косвенно. И косвенно на это указывают признаки и насильника, и жертвы. Его особенности, его характеристики укажут этот обходной путь.

А.В.Зыков, Санкт-Петербургский фонд «Новые шаги»

Начну я издалека, примерно, с того, как образовывался фонд. Где-то в конце 80-го – 89-го годов, в начале 90-х было несколько специалистов по детской психиатрии в Санкт-Петербурге организовали кризисную службу для детей и подростков. У нас была такая организация, она и сейчас работает. Она создана для того, чтобы охватить те проблемы, которые не подпадают под рамки классической психиатрической или медицинской помощи, но при этом проблемы там явно существовали, дети и их родители нуждались в какой-то помощи.

Через некоторое время специалисты из этой организации образовали общественную организацию – фонд «Новые шаги». Сейчас он называется: Санкт-Петербургский фонд кризисной психологической помощи детям и подросткам «Новые шаги». Довольно долго, практически все это время, мы работали по проблемам помощи детям, пострадавшим от насилия, по проблемам, связанным с профилактикой социального сиротства, по проблемам, связанным практически с психологической помощью и обеспечением какого-то благополучного взросления ребенка, состояния семьи. Очень много сотрудничали с Национальным фондом защиты детей.

На тот момент, когда мы организовывали эту службу, наверное, руководствовались всего одной идеей, которая в общем-то принесла шквал обращений, - это анонимность обращения. Тогда единственное, что было заявлено, что есть возможность прийти, анонимно поговорить, конфиденциально, что информация, о которой вы расскажете, она не будет нигде зафиксирована без вашего желания и без каких-то там проблем, то есть на вас не будут оказываться давление, нравоучение. Так позиционировалась реклама этой службы. После этого мы практически сразу столкнулись с валом обращений, связанных с насилием, с сексуальным насилием, с инцестами, вообще с различными формами внутрисемейного насилия, школьного блюза, блюминга.

У нас в фонде работают в основном психологи, есть также врачи и педагоги. Скорее у нас складывается впечатление, что в нашей стране практически каждый ребенок переживает насилие в свой адрес. Если фактически все, в ста процентах случаев, мальчики в большей степени переживают физическое насилие, унижение в школе, а дедовщина характерна для школ, для армии и т.д., то девочки в той или иной степени (я сейчас говорю не про изнасилование) переживают сексуальное насилие в свой адрес.

Я затрудняюсь статистически обосновать то, о чем я говорю. Но как эксперт, утверждаю, что у нас существует очень высокий уровень агрессии. Эта проблема актуальна была всегда, она остается и сейчас примерно на том же уровне. Сейчас стали, пожалуй, немного больше делать, больше замечать, больше обращать внимания на это.

Первый и очень важный момент в организации этой работы – конфиденциальность или анонимность. Это для всех нас сейчас понятно, но на самом деле это не очень легко реализуемо, потому что попадает к вам ребенок, переживший насилие, но при всем при этом на приеме он явно эмоционально не готов просто обращаться в органы. И всегда перед специалистом встает вопрос: каким образом действовать в этих ситуациях? Или насилие произошло внутри школы. И как это удержать в рамках школы, когда у нас обычно ничего не удерживается, и как не навредить ребенку, потому что понятно: когда эта информация выходит за границы учреждения, даже за границы кабинета директора, - это сразу больно ударяет по ребенку.

Или ситуация, связанная с издевательствами над ребенком в школе со стороны учителей. Всегда есть вопрос, когда ребенок обращается: вмешиваться или не вмешиваться? Чем это грозит ребенку? Как проводить эту интервенцию? Окажется ребенок заложником этой ситуации или нет? Мне кажется, что это фундаментальная проблема, над которой постоянно

приходится думать и в рамках одной службы, и в рамках каких-то законодательных вещей.

Пожалуй, отсюда следует понимание, что, работая с ребенком, мы должны ориентироваться, прежде всего, на интересы ребенка, на то, насколько, принимая решение, следует обращаться или не обращаться в правоохранительные органы, идти в школу или нет, насколько ребенок готов к этому вмешательству, насколько это будет для него полезно, насколько он способен все это перенести.

Прежде всего, как это повлияет на его дальнейшее развитие в положительную сторону или, наоборот, усугубит травму? Наша задача - защитить, прежде всего, ребенка и обеспечить ему, может быть, чувство безопасности. Вообще мне кажется, что когда мы имеем дело с жестоким обращением с ребенком, то наша основная задача – это добиться прекращения такого обращения с ребенком, угроз в его адрес, а также добиться восстановления и укрепления чувства безопасности у ребенка, восстановления и нормализации границ «я», которые при жестоким обращении, практически, всегда нарушены. Неважно, что это физическое насилие, сексуальное насилие, эмоциональное насилие. Это всегда происходит с каким-то достаточно грубым нарушением границ «я», понимания того, что хорошо, а что плохо в отношении себя и ребенка. И, как правило, это всегда влечет тяжелые последствия.

Если ребенок подвергается насилию, то, как правило, всегда должно быть продолжительное сопровождение ребенка и оказание помощи в трех направлениях: помимо психологической, нужна помощь, связанная с педагогическими и медицинскими проблемами.

Мне кажется, что это принципиальная вещь, потому что, если ребенок плохо учится в школе, он по разным причинам и попадает в ранг отверженных, которых наказывают, ставят двойки - тех, в отношении кого есть уже сложившийся образ «ученика-балбеса». Вы начинаете с таким

учеником работать, достигаете каких-то результатов, он начинает учиться, приходит в школу и благодаря тому, что раньше произошло, получает ту же самую двойку.

Книжный пример: мы работали с ребенком, у которого было 30 двоек, 30 ошибок в диктанте, потом после наших занятий у него стало 20 ошибок, потом 15 ошибок, потом 10 ошибок. Но он при этом все равно получает свою «двойку»: снижая количество ошибок, по его меркам, в разы, увеличивая успеваемость, он получает один и тот же результат. Понятно, что после этого мотивация к учебе - просто на нуле, и самооценка ребенка разрушается.

То же самое с врачами. Довольно частые случаи после сексуального насилия. У нас сохраняется своеобразное отношение к людям, пережившим сексуальное насилие. Отношение с большой долей обвинения: сами виноваты, не так оделись, головой не думали, не туда пошли и т.д. С этим часто молодые девушки сталкиваются, когда приходят на прием к врачу. У нас была такая «красивая» в кавычках история, когда девочка после попытки суицида попала к нам. А выяснилось, что после изнасилования она пошла на прием к гинекологу провериться. Она врачу сказала, что вот похоже, что я гонореей заболела. Врач говорит: «Да бросьте вы, никакая не гонорея, это сифилис». Ребенок, ничего не говоря, молча вышел из кабинета, а потом его на скорой увезли. Такие случаи нередкие. Они немножко гротескные, но с этим мы сталкиваемся практически всегда, когда начинаем работать с сексуальным насилием: практически всегда сталкиваемся с негативными, обвиняющими оценками в адрес человека, который пережил это.

В отношении физического насилия тоже есть такие факты. Их меньше замечают, но мальчикам любят говорить: как же ты за себя не постоял, что-то ты вел себя как слабак или что-то не так сделал. С этим довольно часто приходится сталкиваться.

По поводу правоохранительных органов и работы с милицией. Мне кажется, что это отдельная тема. Каждый раз, когда приходится сталкивать в

работе с правоохранительными органами, мне кажется, надо готовиться (это мое личное мнение) к тому, что вашего клиента, ребенка, будут травмировать. Его надо специально готовить и готовить его родителей для того, чтобы они пережили эту ситуацию – столкновение.

Некоторое время тому назад ко мне пришла девушка - социальный педагог - только что после института. Она достаточное время работала социальным педагогом в элитной школе. Девушка приходит ко мне и рассказывает о жутком чувстве вины и собственной некомпетентности: «Слушайте, я вообще не понимаю, чему меня учили в институте». Ее вызывают из школы и говорят, что надо съездить в милицию. Там какая-то ситуация, о которой не очень говорят. Она приезжает в милицию, оказывается, что два десятилетних мальчика этой школы участвуют в разбирательстве дознаний по поводу их изнасилования. И есть еще мальчик из другой школы. Она, как предусмотрено законом, должна присутствовать в течение 8-ми астрономических часов, пока этих мальчиков возят по местам, где было это изнасилование. При этом проводят дознание со всеми каверзными вопросами, настойчиво их убеждая, что они путаются в показаниях, и, убеждая их, что, наверное, они все придумали, потому что этого не было. При этом не дают им еды. Заканчивается это следующим. Она пытается всячески защищать их интересы, но выдержать давление милиционеров, плюс психолога от милиции, который пытается объяснить, что она неправильно понимает показания детей, - ей колоссально трудно.

После восьми часов этого дознания все дети отказываются от своих показаний. Родители их забирают в дикой истерике, в прямом смысле этого слова. Дело пытаются закрыть. Ей какие-то жуткие выговоры делают после этого в школе. А оказалось, что изнасилования повторялись, что их совершал серийный маньяк, поэтому, в конце концов, было крупное разбирательство.

Чего говорить о детях, если социальный педагог, который призван их защищать, была в жутком состоянии и пришла реанимироваться. Всегда

допросы, дознания по поводу сексуального насилия построены таким образом, чтобы спровоцировать человека, подвергшегося насилию. И это всегда усиливает чувство вины, а чувство вины за то, что произошло, - всегда обостряет травму. Мне кажется, что это опыт, который надо иметь в виду и осмыслить.

За случаями жестокого обращения всегда стоят проблемы, более глубинные, психологические. И все-таки работа должна быть направлена в первую очередь на эти проблемы. Мне кажется, что часто происходит подмена: если семья неблагополучная или неполная, то они автоматически становятся группой риска. При этом часто недооценивается именно родительский опыт по воспитанию детей, детский опыт родителей, которые совершают насилие в адрес ребенка, ухудшают условия их взросления, то есть это то, что по-настоящему ложится в основу насилия. Если удастся в работе подобраться к этим проблемам, то тогда получается что-то изменить в отношениях родителей и ребенка. Если это остается на уровне: бить ребенка – плохо, то, как правило, все откладывается до следующей серьезной, кризисной ситуации в семье. И тогда опять появляются новые стандартные образцы поведения.

Мне кажется, что в работе с насилием очень важен командный подход. Важно, чтобы специалисты, которые работают и ведут случай, имели возможность и специальное время для его обсуждения, для отреагирования собственных эмоциональных проблем, для оказания поддержки друг другу, для разбора этих случаев и чтобы специалисты взаимодействовали между собой при ведении случаев.

Мы говорили о том, что часто организации исчезают. Я думаю, что одна из причин этого – в том, что долго работать с подобными проблемами - очень тяжело. Специалисты быстро перегорают, уходят в профориентацию, в тренинги по развитию и подготовке к школе, в какие-то менее эмоционально затратные темы. И если в организации нет способов и каких-то специальных

механизмов профилактики этого «выгорания», то, я думаю, что это все довольно быстро разрушается.

По формам работы вкратце. Мы используем совершенно стандартные формы работы: индивидуальное консультирование, семейное консультирование, групповое консультирование. Мне кажется, что очень хорошо работает групповая помощь в отношении сексуального насилия, потому что она эффективно разрушает миф об исключительности происшедшего только с данным человеком. Когда в группе происходит обсуждение, то это очень благодарная работа.

Если речь касается сексуального использования детей, то здесь, мне кажется, невозможно организовывать работу без совместного сотрудничества с социальной службой. Потому что очень большие рентные установки у детей, уже формируются позитивные образцы отношения к тому, что происходит: ребенок воспринимает это как должное и, более того, как то, что помогает ему выживать, потому что приносит удовольствие. Мне кажется, что для того, чтобы переломить такие стереотипы, очень важно как-то начать сотрудничать с ребенком. Среди таких детей, в основном, много уличных. Очень важно, чтобы была хорошая социальная служба, которая будет поддерживать, опекать, помимо психологических интервенций, чтобы была мощная социальная поддержка, которая выстраивает и нормализует жизнь ребенка.

Мне кажется, что это также касается условно неблагополучных и сильно разрушенных семей, с которыми очень трудно работать. Там, где родительские навыки довольно сильно утеряны, и родители не очень способны структурировать свое время, организовывать свою жизнь, - там без социальной работы сделать ничего нельзя. И только в сотрудничестве с социальным работником, условно говоря, доктором можно выстраивать какую-то работу. И наоборот, только социальная работа без психологической помощи не будет действенна, потому что со многими расстройствами лежат

психологические причины, связанные, как правило, с драматическим опытом, пережитым родителями.

Приведу пример: у нас была группа детей, которых за драки выгоняли из школы. Это были двенадцати и тринадцатилетние ребята. Они ходили к нам на занятия. Родители были заинтересованы, потому что это была школа для семей среднего уровня достатка, а мы договорились, что это будут бесплатные занятия для детей. Продолжительные и бесплатные, но при одном условии, – если родители будут ходить параллельно на родительскую группу. Родители ходили. И оказалось, что в ста процентах случаев это были дети, которых физически наказывали. Причем наказывали достаточно сурово. Это про то, как передается все-таки насилие...

Хочется отметить еще одно. Мне кажется, что по поводу общей профилактики у нас есть некоторый перекос сейчас. Показывают какие-то ужасы про избитых детей, про детей, пристегнутых к батарее и т.д. На этом фоне обычное, бытовое, домашнее насилие – дал подзатыльник, выпорол ремнем - кажется вообще вполне допустимым и скорее происходит обратный эффект: у меня же не так, как у него. Таким образом, складывается впечатление, что в нашей стране повсеместно допускаются физические наказания, достаточно серьезные эмоциональные унижения в адрес ребенка.

Выскажу одну идею пропрофилактику сексуального использования детей. Я думаю, что люди, которые это делают, часто сами понимают, что с ними что-то не так. Но при этом возможности получить помощь и куда-то обратиться - у них нет. К ним относятся уже (и даже в кругу специалистов) как к людям, от которых надо защищаться. Если на плакате, о котором здесь говорилось, будет указана информация, куда обратиться и где их не убьют за это, может быть, это будет более эффективная профилактика.

Из нашего опыта: у нас не очень много работы с насильниками. Из нашего опыта видно, что практически все они имели сексуальные проблемы, даже не опыт пережитого насилия, но все, кто к нам обращался, все они

имели проблемы в сексуальной сфере. Я думаю, что так просто это не исследуешь: это довольно интимные разговоры. Но я знаю опыт норвежских коллег, которые работают с насильниками. Они говорят, что практически все мужчины-насильники имели опыт сексуального насилия в свой адрес. Там тоже признается: это трудно выявить простыми вопросниками. Вообще к сексуальному насилию в адрес мужчины отношение гораздо более нетерпимое. Этого гораздо более стыдятся, и мужчины гораздо более тяжело переживают сексуальное насилие, чем женщины - с более тяжелыми последствиями. И, как правило, пережившие насилие мужчины повторяют эти акты в соответствии с описанным Анной Фрейд механизмом идентификации с агрессором – делают такие попытки впоследствии.

Вопрос. Андрей Валерьевич, ваше видение как специалиста с опытом практической работы с реальными ситуациями. Если мы возьмем село, условно, Сибирской губернии, в котором до ближайшего психолога 50 верст, а до психотерапевта с квалификацией - 200 верст, а он платным приемом занят или еще чем-то, там же наверняка не меньше вот этой брутальности и случаев жестокого обращения. Возможно ли правильная помощь для тех детей или это нечто запредельное для наших условий, если вы говорите, что в любом случае должен быть не только социальный работник, но и психолог, не только общего рода помощь, но и профессиональная психотерапия и т.д.?

А.В.Зыков. Я говорю, что желательно. Но если этого нет, то можно организовывать эту помощь в селе. Недавно я вернулся из Якутии как раз, где мы продумывали то, как можно все это организовывать. Там люди живут в таких селах, которые ездят куда-то крайне редко. Там вполне можно организовывать такую работу, опираясь на людей, заинтересованных, сохранных, живущих в этом селе. Вопрос о том, какие задачи надо будет ставить. Понятно, что это не будет глубинная психотерапия, но по крайней мере обеспечение безопасности ребенка можно вполне организовать, чтобы у

него была возможность куда-то пойти, там остаться накормленным и не убитым родителями, если они в аффекте находятся.

Мне кажется, что это отдельный длинный разговор о том, как это делается.

Реплика. Если смотреть на кадровый ресурс Российской Федерации и принимать его в расчет, то нельзя ожидать, что в ближайшие 10-15 лет психотерапевтические методы будут применяться к этой группе пострадавших везде, а, значит, можно просмотреть консультативные средовые формы групповой работы, которые могли бы осуществлять такие люди, как сельские педагоги, специалисты из учреждений дополнительного образования и т.д. И вот в этом смысле, мне кажется, что это скорее будет реабилитация какой-то жизнью, а не специальной формой реабилитации, как мы понимаем, которую нужно бы иметь. Это будет другого рода реабилитация, может быть, не с такими замечательными исходами, но она даст человеку силу вообще жить и приобщаться к жизни, потому что насилие его сильно разлучает со многими возможностями жизни. И в этом смысле это ничем не хуже и не уступает специальной форме реабилитации. И вот это развивать для Российской Федерации, мне кажется, надо в первую очередь, поскольку дети растут, они не ждут, пока мы обзаведемся психотерапевтами в каждом селе.

С.П.Борзов - Национальный Фонд. Еще мне кажется, что сильно помогает (из практики мы это видели на специалистах) организация работы раннего выявления. Это помогает с двух точек зрения: первое - начинают работать на более раннем периоде, где меньше травматизма, а второе – это некоторые биологические эффекты, потому что работы по раннему выявлению связаны с тем, что к жестокому обращению начинают относиться более «мелкие» факты. Так формируется нетерпимость в обществе к грубому отношению к ребенку. Этому придается смысл. Тогда у специалистов появляется ощущение смысла. А нам еще травмопсихологи

говорили, что страдание со смыслом делает героев духа, это проще переносить. Потому что в той ситуации, как говорил Андрей, когда у нас воспринимаются как жестокое обращение только формы насилия, человек, специалист чувствует себя там чужим среди своих. Когда он понимает смысл этого великого дела, что он защищает ребенка, что это полезно, что это нужно и так далее, когда его поддерживают, силы удваиваются и даже утраиваются. Придание общественной значимости труду – это старая истина, что альтруистам не нужно денег, но им нужны награды и признание.

А.В.Зыков. Я думаю, что не стоит так все упрощать, Сергей. Я думаю, что мы пока находимся в меньшинстве в нашем обществе в отношении физического насилия. Но если проводить опрос, то «битье» окажется достаточно нормальной, приемлемой формой воспитания. Есть какие-то защитные механизмы, которые заставляют этот опыт принимать как нормальный.

Я помню передачу середины 90-ых годов, которую мы посвятили физическому наказанию. Там два психолога отвечали на телефонные звонки в телевизионной студии по поводу физических наказаний. Сидела подростковая аудитория. Звонит человек. Дети говорят, что да, бить нельзя, это плохо, и психолог объясняет, почему это плохо, и про последствия, и про тонкости. Дальше звонит человек и говорит, а меня били, и я вырос хорошим человеком, чудесным, и вообще я настоящий мужик. И мы ему начинаем объяснять, разводить намерения и объяснять, что, наверное, вы выросли по-другому – не из-за того, что вас били, а было еще что-то в вашей жизни. И он вешает трубку. И звонит следующий, да, говорит, я все понял, но меня-то били, но я вырос хорошим, настоящим человеком - как же вы не можете это понять?...

Поэтому я думаю, что не так все просто.

**Т.Г.Лебедева, Санкт-Петербургское государственное учреждение
социальный приют для детей «Транзит».**

Немного о специфике нашего учреждения. Это приют для несовершеннолетних, не имеющих регистрации в Санкт-Петербурге. Чаще всего наш контингент – это дети, которые так или иначе оказались без попечения родителей, которые ушли из дома, либо дети-эмигранты, которые нелегально находятся на территории Санкт-Петербурга. В последнее время идет работа потому, чтобы на территории нашего приюта оказывать помощь также и детям из Санкт-Петербурга, которые подверглись насилию, в том числе и сексуальному, но пока это только в перспективах. То есть в основном я буду говорить о психологической реабилитации детей, которые находятся без попечения родителей, семьи которых совершенно в другом городе или субъекте федерации, дети, которые находятся на территории нашего приюта.

Тема моего доклада очень узкая – это оказание помощи детям, которые пережили сексуальное насилие. Но не просто сексуальное насилие, а были вовлечены в коммерческую сексуальную эксплуатацию детей. Хотелось бы договориться о терминах, что конкретно под этим понимается. Это коммерческая сексуальная эксплуатация детей – это сексуальное злоупотребление или насилие взрослого над ребенком за вознаграждение в виде наличных денег или в какой-либо другой форме ребенку или третьему лицу? Что здесь главное в этом определении? Во-первых, то, что ребенок – это любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста, несмотря на законодательство Российской Федерации, где с 16-летнего возраста уже считается возраст согласия, информированное согласие. Здесь мы об этом не говорим. Это не о том.

И что важно? Это ребенок - и обязательно за насилие, сексуальное насилие ребенок получает вознаграждение. Это не только деньги. Мы говорим не только об уличной проституции, когда ребенку, девушке или

юноше, мальчику или девочке платят, но это может быть оказание каких-то услуг – подвез, дал шоколадку, просто оказал помощь, все, что угодно.

Основные формы КСЭД– это детская проституция, детская порнография, трафик, то есть перемещение детей из региона в регион для того, чтобы эти дети оказывали сексуальные услуги, также детские сексуальные тризмы. Это когда в определенный регион приезжают взрослые с очень конкретными целями - получить сексуальные услуги у детей.

Основные последствия, для чего я их упоминаю? Во-первых, как таковых последствий коммерческих сексуальных эксплуатаций, выявленных и четких, к сожалению, нет, а есть какие-то общие вещи, которые можно отнести к общим последствиям по насилию или по сексуальному злоупотреблению. Отмечаются некоторые специфические моменты, которые бывают, но я не обладаю статистически подтвержденными данными, что да, если вот у ребенка имеется первое, второе и третье, то это точно была коммерческая сексуальная эксплуатация, а не просто сексуальное насилие. Поэтому так несколько общее.

Значит, основные последствия – это, во-первых, поведенческие проблемы. Это сексуализированное поведение, конфликтность во взаимодействии с окружающими, агрессия, отсутствие критики к своему поведению, неуверенность в себе. Это далеко не полный перечень того, что ребенок получает после того, как был вовлечен в КСЭД. Это эмоциональные проблемы, высокая степень тревожности, страхи и депрессии, сниженная самооценка, избегание контактов с окружающими, симптом спутанности чувств, когда одновременно ребенок переживает не только весь спектр чувств именно в этой ситуации, но и при любом упоминании или в ситуации, отдаленно похожей на ситуацию злоупотребления.

И проблема в коммуникативной сфере – это коммуникативное искажение, в том числе искажение системы ценностей. Это негативный прогноз развития собственной жизни, нарушение внимания, полярное, то

есть черно-белое мышление – это либо все хорошо, либо все плохо, какие-то события не могут быть там средними или нехорошими и неплохими, а какими-то другими – радостными или грустными: это вот только хорошо или только плохо, только печальное или только радует.

Персонализация - это отнесение любых событий к собственной личности. Это когда там по-разному размышляют: кто там косо посмотрел, а прохожие засмеялись: ага, это ко мне, это точно ко мне, это про меня – они так думают.

И преувеличение негативных событий и минимизация позитивных. Мы придерживаемся в нашем приюте следующего алгоритма работы с детьми-жертвами коммерческой сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. Самое главное – это этап идентификации ведущих проблем, так называемый выбор мишени. Постольку, поскольку работать со всем и сразу в нашем учреждении и вообще, я думаю, достаточно тяжело, мы стараемся определить приоритеты, либо мишени. Чаще всего это опять же, как говорил мой коллега, ориентация на наилучшие интересы ребенка. Что конкретно? Ребенок, как клиент, заявляет для себя самым важным и значимым и что мы, как специалисты, стараемся обеспечить для него и считаем наиболее важным? И в этом шаге очень важным является подбор техник, направленных на работу с выбранными мишенями. Многие специалисты, в том числе и психологи, сталкиваются с тем, что в литературе, в том числе и в специализированной литературе по насилию, очень мало методик, которые направлены на работу с детьми, которые пережили опыт сексуального насилия, и подбор техник, которые являются успешными в работе с этими детьми, мы считаем весьма и весьма важным.

Следующий шаг – это собственная психотерапия с применением отобранных техник. И тоже очень важный этап – это оценка эффективности нашей работы. Когда проходит мониторинг, насколько успешно, во-первых,

работают специалисты, во-вторых, насколько все то, что мы делаем, ценно и важно и изменяет как-то ощущение ребенка в процессе терапии.

Те методики, которыми мы пользуемся: техника-маска, цель от реагирования сильных негативных переживаний, снятие нервного психического напряжения и осознание собственной психотравмирующей ситуации.

Хочу сказать, что цели и те методики, которые я представила, направлены на решение разных проблем. В частности, маска – это решение каких-то эмоциональных проблем и в то же время поведенческих. И, может быть, при удачном течении сессии – это как раз и такая работа с когнициями, с размышлением. Что предлагается? Нарисовать злую, страшную или плохую маску и дальше уже посредством работы с ребенком ребенок говорит, двигается, и мы уже общаемся не конкретно с ребенком, а с персонажем, который он представляет.

Из моего опыта могу сказать, что это совершенно невинное упражнение, очень часто бывает диагностичным. Когда ребенок попадает к нам, мы предполагаем, что у него, возможно, какое-то физическое насилие. При выполнении этой техники чаще всего выплывает ситуация как раз насилия и чаще всего выясняется, что страшная или плохая маска – это на самом деле насильник. И дальше уже идет отыгрывание ситуации насилия, которое произошло с ребенком. Упражнение достаточно известное – это мандала на развитие умения осознавать и передавать свое эмоциональное состояние на снятие психоэмоционального напряжения и коррекцию настроения.

Ребенку предлагается лист бумаги с кругом. В другой вариации – это несколько кругов разного диаметра, из которых ребенок выбирает для него понравившийся близкий. Предлагается заполнить разными цветами эту окружность. И после того, как ребенок заполнил, мы говорим, что да, круг – это твой внутренний мир, давай посмотрим, как ты думаешь, что это? Какие

чувства, может быть, какие переживания? Тоже очень хорошо действует второй вариант. После того, как мы проработали с актуальным состоянием нарисовать то состояние, заполнить так, как ты хотел, чтобы было. Это на позитивный образ будущего.

Следующее упражнение – это мое имя, цель принятия своего имени. Опять же это упражнение направлено на работу с эмоциональными проблемами и в то же время на коррекцию самооценки и на повышение степени самопринятия ребенком самого себя. Задание – нужно разными способами, чем-угодно нарисовать как можно больше вариантов имени, сделать это максимально привлекательным. Мы советуем, поскольку дети у нас живут в приюте, украсить самым-самым лучшим своим вариантом то пространство, в котором он живет. Это комнату, либо тетрадь, поместить в альбом.

Следующее упражнение – это могущество, цель его актуализации личностных ресурсов и помощь в раскрытии сильных сторон. Ребенку предлагается заполнить бланк, а можно не бланк, ответить на вопросы, что я могу. Двадцать предложений и закончить. И следующее – что я смогу. Это опять же работа с образом будущего, поддержание его уверенности в себе и в своих силах и в большей, конечно, степени это работа, наверное, на расширение его представления о себе, на расширение поля его возможностей. Потому что чаще всего травмированные дети говорят, что они ничего не могу, ничего не умеют и уж точно никогда ничего не смогут.

Следующее – это то, что мне мешает чувствовать себя спокойно и счастливо, цель отреагирования отрицательных эмоций. Вы, наверное, заметили, что большинство моих упражнений – это арттерапевтические техники. Я считаю, что таким способом с детьми работать более эффективно, потому что переход к травматическим событиям – это очень тяжело и чаще на словах дети не говорят, а опосредованно - через рисунок, через коллаж, через игры. Я имею больше возможностей выйти на конкретные события,

которые с ребенком произошли. И зачастую все те техники, что представлены, - это не только и не столько реабилитационные, сколько даже диагностические для того, чтобы выйти на ситуацию жестокого обращения или насилия или сексуального использования ребенка в коммерческих целях.

Дальше «солнышко ресурсов» – это тоже разная модификация этого упражнения. Мы его используем для того, чтобы в условиях, достаточно ограниченных, нашего приюта у ребенка была альтернатива, - опять же альтернативные способы поведения, с помощью которого он себя может поддержать, помочь, улучшить настроение. На каждый лучик нужно вспомнить то действие, которое ты можешь совершить и которое приносит тебе положительные эмоции. И очень важно здесь акцентировать внимание на том, что это действие совершаешь ты, а не друзья, которые с тобой походили. А что конкретно ты делаешь?

Также в рамках реабилитационной работы мы проводим групповую работу с детьми, которые вовлечены в коммерческую сексуальную эксплуатацию. И это те особенности, которые я считаю очень и очень значимыми. Во-первых, при ведении группы необходимо, чтобы количество детей соотносилось с количеством тренеров или ведущих. На 2-3-х детей необходим один тренер. Количество детей в группе должно быть не более 10-ти, иначе это будет совершенно неуправляемая группа или очень сложная. Особое внимание нужно уделять соблюдению правил групповой работы. И опять же важное дополнение – у участников возможна сильная эмоциональная реакция в любой момент времени, даже при совершенно невинном знакомстве или абсолютно в таких упражнениях, которые не затрагивают никак сильно личность или какие-то там драматичные переживания.

И отсюда мы пришли к выводу, что очень важно, во-первых, обеспечивать безопасность ребенка; во-вторых, необходимо моделировать альтернативное поведение. То есть это отношение тренеров, которые ведут

тренинг и взаимодействуют друг с другом и с детьми. Также необходимо вести разговор на понятном для ребенка языке и очень ценно знать реакцию детей на травмирующие ситуации и особенности реагирования детей именно на сексуальное насилие, теоретически быть подготовленным к ведению этих групп.

Тоже стоит учитывать групповую динамику. И опять же очень ценно в течение всей работы оценивать эффективность проходящей терапии и быть достаточно гибким. Нельзя написать тренинг и провести его как песню, выучив стихи, потому что все-таки я считаю, что мы должны идти за клиентами.

Последнее, чем я хотела бы закончить, - это очень нравится мне это выражение, что нет такого зла, причиненного людям людьми, которые люди же не могли исправить. Это все в наших силах.

Е.В. Забадыкина Татьяна представляет приют «Транзит» и когда я пришла заниматься проблемой коммерческой сексуальной эксплуатацией детей, это был чуть ли ни единственный приют в городе, где люди говорили, что да, у нас есть такая проблема.

В основном все остальные организации, в которые мы обращались, нам хорошо объясняли, что у них вообще дети приличные, хорошие, и самая большая проблема, пожалуй, они курят. Поэтому мы очень давно сотрудничаем с этим приютом, с Татьяной в том числе.

Я просто о них не буду рассказывать. Единственное, о чем я расскажу, что у нас есть два направления, как вы поняли, - исследовательское и практическое. Это как птица с двумя крыльями, и мы считаем, что теория и практика должны соединяться, потому что практике не хватает теории, а теории – не хватает практики. Наша идея в том, что мы проводим исследования и рекомендации после каждого исследования есть, они пробуются на жизнь и смотрятся как, и тогда уже опробованные вещи мы отдаем обществу. Или, наоборот, практика заказывает теорию исследования.

Но это так должно быть в теории. В практике это случается по-разному. Во всяком случае сама идея, мне кажется, очень плодотворная.

Проект, о котором я буду говорить, был поддержан Министерством иностранных дел Нидерландов. Проект МАТРА многие знают, там есть еще большая МАТРА, средняя и малая. Была большая МАТРА на три года, и она проводилась в трех точках нашей страны: это Петербург, Саратов, Иркутск и Владивосток.

Основные участники нашего проекта. Это был совместный проект нашей организации вместе с организацией из Нидерландов. Цель проекта была – формирование условий для повышения эффективности работы в сфере оказания помощи в защите и реабилитации детей, которые вовлечены в коммерческую сексуальную эксплуатацию. И на самом деле он был направлен на сотрудников, на специалистов, которые работают с детьми–жертвами и с детьми из группы риска.

Результатом этого проекта мы считаем методические пособия, которые мы разработали. Для того, чтобы были подготовлены эти методические пособия, мы работали 3 года. Для меня это совершенно уникальный опыт, когда я могу сказать, что практически это было сделано правильно. То есть, во-первых, были для начала собраны все имеющиеся у нас источники. Мы искали специальные источники, которые бы описывали работу с такими детьми как в нашей стране, то есть на русском языке, так и англоязычные источники. Другие языки мы не брали – это, конечно, ограничение. Я хочу верить, что там на французском языке что-то, например, еще где-то написано. Во всяком случае они были все найдены и проанализированы.

Речь идет о социальном аспекте оказания помощи, психологическом юридическом и руководстве по проведению тренингов. То есть о том, как разговаривать со специалистами, как учить специалистов работать с такими проблемами. И прежде, чем мы все это делали - психологическую часть этих методик, мы заключили соглашение с четырьмя площадками, три из которых

здесь сегодня присутствуют. Это социальный центр «Транзит», «Воспитательный дом», комплексный центр социального обслуживания населения Колпинского района и государственное учреждение «Ребенок в опасности».

Как вы видите, здесь три приюта и одно учреждение, куда дети просто приходят. Это тоже было для нас важно и принципиально. Это те учреждения, которые согласились с нами работать, которые признали, что да, у них есть дети, которые вовлечены в коммерческую сексуальную эксплуатацию или которых они могут считать или вовлеченными или которым необходимы какие-то мероприятия по профилактике вовлечения, которые находятся на грани риска.

Это очень разные учреждения по своей направленности, по тем специалистам, которые там работают, но не потому, какие это энтузиасты, потрясающие люди. И наша работа в итоге свелась к тому, что в апробации методик в итоге приняло участие 15 психологов, воспитателей и социальных работников из этих учреждений. Вот небольшая статистика о том, сколько было вовлечено детей, сколько приняло в тренингах участия психологов и социальных работников, в том числе сколько было подготовлено тренеров. Это уже как бы следующий немножко этап.

Мы сначала думали, что соберем людей из этих замечательных мест, их научим, проведем для них тренинг, и они, вооруженные нашими знаниями, пойдут работать с детьми. Мы им дали специальные формы как оценки каждого занятия, например, группового. Они должны были описывать, что подходит, а что не подходит. Мы им дали материалы, по которым они должны были работать, и стали ждать результатов. И результаты были как-то не очень, потому что вы знаете, что люди не очень любят писать. Описывать у них совершенно не получалось, они не хотели. В результате я поняла, что они совершенно не понимали, а что мы, собственно говоря, от них хотим. Поэтому, в конце концов, мы стали работать вместе с

ними. Это происходило примерно так. Сначала мы готовились к этому занятию. Потом мы вместе с психологами проводили это занятие. После этого мы обсуждали результаты. И вот благодаря такому «энномесячному действию», во-первых, мы получили бесценный опыт, потому что я никогда не ожидала, что возможны такие детские групповые реакции детей, которые травмированы. Действительно, даже любое знакомство между своими может вызвать все, что угодно.

Мы и наши люди, с которыми мы работали, были потрясены тем эффектом, который достигается этими занятиями, согласно с новыми шагами. Они привыкли работать индивидуально. Когда с ребенком работают специалисты индивидуально, это одни проявления ребенка. Когда они увидели этих детей, взаимодействующих в группах, и увидели, как они оказались такими милыми, адаптированными детьми (было ребенок ребенку волк, а по-другому не описать было в некоторых случаях), это вызывало шок у всех.

И что с этим делать? Тут Татьяна великолепно сказала, что да, лучше, чтобы было не 10 детей, чтобы количество детей коррелировалось количеством специалистов. Всегда получалось. Например, в Колпино мы сначала собрали мальчиков и девочек, после первого занятия мы поняли, что с ними надо отдельно работать. С девочками все было великолепно. Это было 8 девочек, которые ходили, которые плакали на занятиях, выражая свои чувства, и все было прекрасно. Потом пришла очередь мальчиков. Пригласили 8 мальчиков. На первое занятие пришло 24 мальчика, потому что мальчики по дороге взяли своих друзей. Возраст был от 12 до 17 лет, потому что они друзей привлекли. Помещение было такое, в котором не стоит вообще проводить тренинги, но у нас другого не было. И когда все эти дети уселись и уставились на нас – троих психологов, я никогда не забуду этого момента. Что происходило дальше? В общем, это было трудно. Мы выдержали. Мы были тверды, мы настаивали на своем, кого-то выставляли за

дверь. Они приходили – это, кстати, методика таймаута, когда ты не можешь успокоиться, выйди, а через 5 минут зайди. Как раз специалисты это все очень хорошо используют.

В итоге мы с ними провели в общей сложности десять занятий. Они фактически все отходили все эти занятия, мы не могли их как-то попросить.

Когда мы закончили, они сказали: а когда дальше? Мы говорим, что простите, мы закончили, уже июнь настал.

Они приходили в эти дни, когда мы проводили занятия. Хотя то, что происходило, их реакция, была ужасна, то есть очень разная. Надо сказать, что в трех учреждениях из четырех я знаю, это доподлинно точно, что сейчас продолжается такая работа. Я считаю, что это самый большой успех, потому что мы как бы уже ушли, мы материально так поддерживали этих специалистов слегка. Мы ушли, но они продолжают эти занятия. Мы до сих пор общаемся и помогаем друг другу, потому что люди увидели, что это все работает.

Я хочу сказать, что все, что написано в этих методических пособиях, - это все опробовано и именно опробовано на четырех площадках. Я считаю важным, что все это мы описали. И описано все это очень подробно. Татьяна говорила, что не хватает методик. Татьяна тоже соавтор этого пособия. Мы делали пособие для себя. Мы делали пособие такое, которое я хочу как специалист иметь у себя на тумбочке для того, чтобы в случае необходимости я могла открыть и посмотреть. Одна из составных частей его, мне кажется, то, что там описаны трудные ситуации, которые встречаются у специалистов как при проведении тренингов, так и при работе с детьми, причины, почему они возникают, психологические, и как на них реагировать. Какая реакция неэффективна и какая реакция эффективна?

Мы вложили туда все наши знания – знания всех специалистов, которые работали. И это делает его абсолютно уникальным. Самое главное, что тут есть, я не могу не похвастаться, мы давали это на отзыв людям. Мы

сейчас эти отзывы еще собираем. Наш уполномоченный по правам ребенка тоже должен прислать. Они говорили о том, что не написали этого. И «Озон» дал очень хорошую рекомендацию и дарит ее нам. В одном месте мы указали, где мы не написали, мы тут же дописали. Это мой учитель, я училась там в гармонии. Они сказали, что им очень понравился гуманистический дух этого. Несмотря на то, что там все эти вещи описаны, там виден вот этот заряд - заряд гуманистического отношения к детям, которые попали в такую ситуацию, и к специалистам, которые вынуждены с этим работать, чаще, может быть, даже и не хотят работать.

Врачи тоже дали отзывы на наш труд. Все, что могли, все собрали. Время прошло, и мы теперь понимаем, что мы теперь понимаем, что мы готовы ко второму, лучшему расширенному пособию. Пока мы делали первое пособие, работа у нас продвигалась, поэтому мы всячески хотим распространить его, чтобы люди, во-первых, им пользовались, во-вторых, сказали нам, что можно еще нам дальше сделать.

Я хочу сказать, что спасибо всем, кто присутствовал, кто делал это пособие, кто помогал нам. Надеюсь, что это будет только первый шаг в этом направлении. Я считаю, что оно уникально, потому что я не видела в нашей литературе и на иностранных языках, которая так подробно описывала эти вещи. Я считаю, что оно посвящено именно проблеме коммерческой сексуальной эксплуатации, оно под это заточено. Там очень много пишется о том, какие особенности именно у детей, которые вовлечены в КСЭД, почему так происходит и какие должны быть мишени именно работы с ними, на что обращать внимание.

Но я искренне считаю, что такие же пособия нужно делать и по сексуальному насилию, по жестокому обращению с детьми, по физическому насилию, потому что там тоже есть, что сказать, и мы по этому ограничивались.

Я надеюсь, что наш бесценный труд – он скажет все остальное. Сейчас он существует в электронном виде, доступен всем, кто желает, мы сможем его выслать. Я надеюсь, что к 27 апреля он будет уже доступен в печатном виде.

А.М.Спивак. Нам нужно каким-то образом уже подводить итоги, такой итоговый круг обсуждения сделать. А если попытаться резюмировать то, что мы обсудили, то следует отметить, что мы, с одной стороны, обсудили, начиная с общероссийского некоторого контекста, вот эту систематизацию тех направлений, по которым возможны работы в этой сфере, исходя из анализа материалов из регионов. Понятно, что там очень много направлений фигурировало. Был такой системный взгляд на четыре направления и в каждом направлении много возможных форм работы. И выявилось, что если брать практический опыт с учетом видения его со стороны власти и уполномоченного по защите прав ребенка и экспертно к нему относиться, то очень много наблюдается либо неясностей, либо белых пятен: ведется ли работа? А если ведется, то осознана ли она и на том ли качественном уровне, на котором это необходимо, чтобы реально решать проблему, а не просто записывать где-то в документе, что такая работа ведется.

А, с другой стороны, мы сегодня познакомились с конкретным опытом ведения такой работы отдельными продвинутыми организациями, которые либо в сфере жестокого обращения в целом, либо в сфере противодействия коммерческой и сексуальной эксплуатации накопили какой-то опыт и могут тоже делиться разного масштаба опытом, начиная от каких-то общих подходов и принципов. Андрей рассказывал на уровне своего понимания и понимания его команды, как это вообще выглядит и что нужно иметь в виду и на что опираться, и заканчивая какими-то конкретными технологиями. А некоторые организации уже представили это в виде какой-то описательной или методической литературы.

Таким образом, у нас есть общероссийская ситуация, такая сложная, с белыми пятнами, неясностями: как, что и где. И есть единичные все-таки в масштабах России организации, которые очень подробно, ясно и четко представляют, что они делают, и делают это уже на определенном уровне профессионализма.

Е.В.Забадыкина. У меня есть такая пламенная страсть. Мы много ездим с этими тренингами, в том числе разговариваем со специалистами, и видим, как очень мало книжек на самом деле. Конечно, есть такое, что когда человек получит книжку, поставит на полку и никогда не будет ее читать. Во всяком случае, на мой взгляд, можно сделать свою половину работы, взять эти книжки и сделать так, чтобы они были доступны для людей. Здесь собрались специалисты, мы можем сделать перечень книг, которые необходимы иметь, например, в каждом социальном центре, в приюте нашей страны. Надо сделать такую библиотечку, набор книг и обеспечить в бумажном виде, в электронном виде. В общем, в каком-то виде. И это был бы уже первый шаг.

А дальше мы можем апеллировать к этим источникам. Мы проехали по стране и увидели: отойди чуть-чуть, там Интернета уже нет, а если есть, то один на весь город у администрации и очередь к нему, чтобы попасть или вообще не попасть. Во всяком случае, мне кажется, что это чрезвычайно важно.

М.О.Егорова. Не совсем согласна с вами, Елена Владимировна. Именно в этой теме, мне кажется, литература не играет решающую роль, поскольку, получив текст, но не имея опыта проработки собственных отношений с этой темой, специалист не в состоянии воспользоваться полученными материалами. Получается, что чтобы подготовить специалистов к работе с детьми и семьями, нужно сначала, чтобы они проработали свои отношения с темой насилия. А это невозможно или возможно только для очень небольшого числа специалистов. Большинству

требуется какой-то формат тренинга, семинара обсуждения, консультаций для того, чтобы это стало возможным. Мне кажется, что это одно из таких серьезных препятствий к тому, чтобы появлялись в таком массовом количестве специалисты, которые бы стали работать с этой темой.

И вот то, о чем вы сегодня сказали, что вы как директор не делаете, а люди выгорают, это, может быть, частично и с этим связано. Но это будет и тогда с ними. Да они вообще, по-моему, не возьмутся за эту тему, поскольку сама тема вызывает у них сопротивление.

Еще мне хотелось бы сказать о том, что мы сегодня не затронули эту тему, но все-таки она играет здесь большую роль – это табуированность. Вот благодаря Дмитрию Анатольевичу на 2011 год табуированность сняли, но мы все отлично понимаем, что год закончится и ее могут вернуть. И она останется столь же табуированной. Вот это поразительная вещь. И я думаю, что это по той же самой причине – по большому сопротивлению у каждого, кто к ней прикасается. Но работать на снятие табуированности, мне кажется, все-таки важно и не так, как наши СМИ это делают, а все-таки в более культурных формах.

И второе – так как дети растут и ничего не могут дождаться; пока мы тут все обустроим, то фактически вот эти косвенные, обходные пути разговора через Библию, книготерапию или еще каким-то образом, но они сегодня, мне кажется, - это сегодняшней путь. То есть параллельно надо делать несколько вещей, потому что пока мы добьемся, чтобы везде все заработало, уже поколения вырастают.

О.М. Здравомыслова. Возможно, табуированность темы жестокости и насилия по отношению к детям - это ключевой момент... Можно назвать еще целый ряд таких сюжетов, проблем, о которых раньше в России не говорили, - а они существовали «неназванные» и разрушали ткань отношений в семье и в обществе. Кстати, даже сегодня наше обсуждение началось с возражений, сомнений в правомерности выделять жестокое

отношение к детям как особую проблему, требующую особого подхода, профилактики, методик исследования. Это возражение - довольно типичное. У нас оно прозвучало как точка зрения в дискуссии специалистов. А в публичном пространстве такие возражения звучат в агрессивной форме, зачастую, совершенно неприемлемой для обсуждения. Это касается, например, дискуссии о ювенальной юстиции – я имею в виду, прежде всего, выступления тех, кто считает ее недопустимым вмешательством в семью - хотя, к сожалению, есть множество примеров жестокого обращения с детьми именно в семье. И об этом убедительно говорили исследователи на нашем круглом столе. Это и есть проблема табуированности, с которой мы сталкиваемся, говоря об «обыденном» насилии и пытаюсь ему противостоять. Зло, которое не названо, которое – по разным причинам боятся назвать – становится еще опаснее.

Когда в 2000 г. мы проводили конференцию [«Человек и семья – преодоление насилия»](#), на ней собрались психологи из России и европейских стран. Не всегда нам было легко говорить друг с другом, потому что демократические европейские общества уже далеко продвинулись в исследовании и публичном обсуждении болезненных проблем, затрагивающих отношения близких людей, и непосредственно связанных с тем, что происходит в политике, в культуре. Об этом говорила, например в докладе знаменитого психолога Элис Миллер, которая сделала вывод: жестокость по отношению к детям и традиции авторитарности в воспитательных практиках лежат в основании репрессивных политических режимов.

Насилие, не называемое насилием, связано с устройством общества, с глубинными особенностями его культуры. Поэтому трудно бывает говорить на тему, которую «табуирует» сам язык.

А.М.Спивак. Ольга Михайловна, у табу, наверное, есть какие-то изученные механизмы, как они действуют в обществе и почему появляются? Социология занималась этим?

О.М.Здравомыслова. Механизмы, конечно, есть. Один, из них, - глубинный - называется: «немодернизированное общество». Общество, сопротивляющееся осмыслению своих традиций и вызовов, с которыми сталкивается. В таком обществе существует страх перед изменениями, поэтому оно не хочет идти дальше тех достаточно узких рамок понимания себя и своих проблем, которые само себе определило, хотя, возможно, определило ошибочно. Более того, всякий выход за эти рамки вызывает агрессию и стремление покарать «нарушителей». Это страх перед самопознанием, перед расколдовыванием мифов, которое, действительно, бывает весьма болезненным.

Тема, которую мы сегодня обсуждали, тоже связана с этими вызовами и она вызывает естественный страх. Поэтому исследование и обсуждение продвигаются так медленно. Возможно, и президент Медведев, говоря об этом, недооценивает, какой глубокий пласт сопротивления мы обнаруживаем, если затрагиваем тему насилия в повседневной жизни.

Мне кажется, что надо вести обсуждение на самых разных уровнях. Говорить не только о внедрении самых совершенных методик, которые, безусловно, полезны, но продолжать вести исследование и обсуждение на психологическом, социологическом, философском уровнях – чтобы добиться понимания, объяснения и реальных изменений.

Думаю, чем более тонкую социальную материю мы затрагиваем, тем настоятельнее необходим серьезный, разнообразный, разносторонний разговор - не только чисто «технологический».

Сегодняшний разговор был очень важен. Но все мы должны отдавать себе отчет в том, что продвигать эту тему чрезвычайно сложно. Здесь, как

нигде, необходимо взаимодействие государства, общественных организаций, школы, семьи. И здесь, конечно, огромную роль играет просвещение.

Е.В. Забадыкина. Хотела бы еще добавить, что никакие методические разработки без изменения морально-нравственных и духовных позиций профессионалов невозможны, потому что то, как человек принимает эти разработки, основывается на его картине мира как профессионала, а это уже касается структуры его личности.

Думаю, что сегодняшний Круглый стол - это очередной кирпичик, заложенный в здание защиты жизни нашей детей, а потом внуков, правнуков – и в улучшение жизни в нашей стране.

А.М.Спивак.

О двух вещах я хотел бы сказать. Мне кажется, во-первых, ценен и важен вот этот пласт, о котором мы сейчас заговорили, его тоже надо вводить в какие-то управляемые рамки. Мы в рамках своих программ и услуг стараемся работать с ценностными уровнями. В практической работе, когда ты понимаешь, что натыкаешься на это сопротивление, натыкаешься на какие-то вопросы, связанные с проработкой ценностей, это тоже не должно оставаться каким-то лозунгом. Надо об этом говорить, надо об этом писать, с этим надо.

Хотел бы очень поблагодарить всех тех, кто здесь сегодня принял участие, - исследователей, практиков, специалистов и экспертов. Мы будем публиковать на сайтах эти материалы и вовлекать их в обсуждение. Ни один продукт наших Круглых столов не будет забыт или потерян для всех нас и более широкого круга специалистов.